

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ПОЗЫВНОЙ
«ПАНТЕРА»

Михаил Нестеров
Позывной «Пантера»
Серия «Марковцев», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119663

Михаил Нестеров. Позывной 'Пантера': Эксмо; Москва; 2003

ISBN 5-699-01999-5

Аннотация

Сергей Марковцев, известный высшему руководству как спец-агент Марк, получает задание тайно расследовать убийство начальника флотской разведки. Он обнаруживает фотографии со стилизованным изображением пантеры и кодовыми цифрами. Но этого не может быть, потому что это позывные Пантеры, его товарища по спецназу, который погиб на его глазах во время одной из диверсионных операций. Или все-таки он остался жив и попал в плен к главарю чеченских боевиков? Может быть, его друг пытается установить связь или участвует в крупной игре спецслужб и террористов.

Содержание

Пролог	6
1	6
2	13
Часть I	17
Глава 1	17
1	17
2	22
3	32
4	35
Глава 2	43
1	43
2	52
3	59
Глава 3	66
1	66
2	69
Глава 4	81
1	81
Глава 5	94
1	94
2	98
Глава 6	101
1	101

Михаил Нестеров

Позывной 'Пантера'

*Помните узников, как бы и вы с ними были в узах.
Святой Апостол Павел*

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Пролог

Маленькие грехи и большие неприятности капитана 1-го ранга

1

Каспийск, Дагестан,

17 мая, пятница, за месяц до основных событий

У женщины, остановившейся напротив двери, появилось естественное желание позвонить в квартиру, а не открывать ее чужим ключом, который она держала в хрупких пальцах. Одета в темное – лишь косынка голубоватых тонов скрывала черные волосы тридцатилетней Лейлы Исмаиловой, – она какое-то время не решалась войти, однако шум внизу подъезда заставил ее шагнуть в темноту прихожей и быстро закрыть за собой дверь.

Тихий щелчок замка будто выключил внутреннее напряжение, Лейла прислонилась к холодной стене и долго стояла, пока дыхание не пришло в норму.

Темнота. Гробовая тишина. Хозяина, видимо, нет дома. Придется ждать его, не зажигая свет. Хотя, если плотно запахнуть шторы, можно включить маленькую настольную лампу, стоящую в углу комнаты на журнальном столике.

Хорошо зная расположение квартиры начальника разведки Каспийской флотилии, Исмаилова сняла туфли и, крадучись, миновала прихожую.

Обычно Михаил поджидал ее у приоткрытой двери. На сей раз тридцатисемилетний капитан 1-го ранга не мог сделать этого по причине смерти: широко раскинув руки, он покоем на диване, не подавая признаков жизни уже минут тридцать. В его груди было едва различимое отверстие с бугорком запекшейся крови.

Диван с мертвым каперангом Михаилом Бондаревым остался слева, впереди – стол: его женщина, ориентируясь, как летучая мышь, обошла стороной. Рука Лейлы коснулась плотной коричневой шторы. Два, три шага вдоль окна, и одна штора занавешена. Гостья взялась за вторую, невольно глядя в окно: не появится ли в освещенном круге подъездного фонаря Михаил.

Вчерашнюю ночь она провела в этой квартире. Ранним утром, провожая любовницу, Бондарев вручил ей ключ от квартиры, сказав, что, возможно, задержится в штабе допоздна.

Лейла боялась всего: бдительных соседей, внезапно вернувшейся из отпуска жены каперанга, случайного гостя – кого-то из друзей Михаила или его сослуживцев.

Когда она шла к окну, глаза начали привыкать к полумраку, а когда она запахнула шторы, очертания предметов снова потонули в темноте. Лишь зеленоватые цифры настоль-

ных электронных часов излучали мягкий свет, позволяющий разглядеть газету и пепельницу, стоящую на ней, и любимую красную чашку Михаила, которая сейчас виделась с одной стороны синей, а с другой – коричневой.

И еще одни цифры, помельче, светились на экране музыкального центра «Sony». Они показывали 22.12 и исходили голубоватым светом, в тон косынки гостыи, которую она сняла с головы и держала в руке. В другой – рабочий чемоданчик-«дипломат».

Работы сегодня было не больше, чем в обычные дни, но Исмаилова задержалась в лаборатории, решив привести в порядок залежавшиеся дела, навела ревизию в ящиках стола, протерла пыль с полок и шкафов, просмотрела и выбросила ненужные бумаги. С работы ушла, когда часы показывали девять вечера ровно.

Гостыя снова оглянулась. Теперь глаза различили то, что еще минуту назад терялось в темноте. И только сейчас заметила притаившегося – именно притаившегося – на диване своего любовника.

Правда, с его габаритами «притаиться» было сложно: грузный и высокий – около ста девяноста (а по-морскому – шесть футов четыре дюйма), и вот ведь, негодник, не подает виду, что его заметили. Даже дыхание затаил.

Ну, ладно. Хочет поиграть, нужно доставить ему это удовольствие.

Женщина, включившись в игру и мурлыча под нос ка-

кую-то мелодию, подошла к музыкальному центру, нажала клавишу «CD», затем трижды нажала следующую, выбирая свою любимую «Лейла», добавляя про себя: «Исмаилова...»

Продолжая «не замечать» хозяина, Лейла в восточном танце приподняла длинные красивые руки, скрестила их над головой и тут же, опуская голову, развела их в стороны. И приближалась к притворщику все ближе. И только в паре шагов от него ее руки внезапно обвисли. Но Лейла нашла в себе силы прижать их ко рту, чтобы не закричать.

* * *

...Кончилась песня «Вечер», началась другая – «День рождения». Ее, Лейлы Исмаиловой, день рождения.

Но она не была бы собой, если бы мгновенно не запахла шторы еще плотнее. Включив верхний свет, она приблизилась к труп. Рот покойника широко открыт, массивная нижняя челюсть оттянута книзу, скулы заострены, глаза под плотно сомкнутыми веками казались огромными, налитыми, будто изнутри их распирало сильнейшее давление. Преодолея внутреннее сопротивление, Лейла поднесла свои губы к посиневшим губам офицера. Запаха яда – ни сладковатого, ни горького, ни кислого – она не обнаружила и лишь при ближайшем рассмотрении увидела на теле убитого крохотную дырочку в груди, в районе сердца. Орудия убийства рядом не оказалось.

Все, вот теперь дело за ней, Лейлой Исмаиловой, экспертом-криминалистом городского отдела внутренних дел.

В первую очередь на стол лег кусок неизменного толстого полиэтилена, который она извлекла из рабочего чемоданчика. На нем привычными движениями эксперт разложила необходимые инструменты, фотоаппарат «Зенит-19» со вспышкой. Первый снимок в «воздух», теперь пошла настоящая работа, называемая судебно-оперативной фотографией.

Лейла запечатлела обстановку места происшествия так, как она представляется стоящему человеку. А в голове тем временем крутилась какая-то отчаянная смесь лихорадочности, возбуждения и взвинченности – все чувства на одно лицо, но тем не менее они были абсолютно разными: сделать работу до приезда сюда оперативной группы, когда практически не тронута ни одна пылинка в квартире убитого каперанга, когда не затоптали возможные следы оперативники, понятые, судебный медик, собака с отвратительным запахом, но... тонким нюхом.

Труп, находящийся в сидячем положении, рекомендуется фотографировать с четырех сторон, но положение тела Бондарева позволило Исмаиловой снять его только с трех точек.

Закончив работу по обзорным снимкам, Исмаилова приступила к узловой съемке – сняла труп разведчика крупным планом. Сделала несколько детальных снимков с близкого расстояния, когда в кадр попадали лицо трупа и место ране-

ния. И еще несколько снимков стола и лежащих на нем листов бумаги...

Потом сфотографировала явные следы волочения на полу, из чего сделала вывод, что Бондарева, уже убитого, перетаскивали на диван, а убили в другом месте. Где? На кухне? В прихожей?

И чем больше снимков делала эксперт-криминалист, тем сильнее одолевала ее паника. Как она оказалась в квартире покойного? Как она, против всех правил, не дождавшись следователя и оперативной группы, приступила к работе? А ведь ее любовник не простой смертный, а начальник отдела военной разведки на Каспии.

И теперь Лейла Исмаилова – первая и главная подозреваемая. Цели? О, цели из нее будут вытаскивать не хирургическим пинцетом, а раскаленными в тигле кузнечными щипцами контрразведки. Там умеют все...

Бежать. Бежать отсюда. Нестись во весь опор.

Лейла протерла все предметы, до которых притрагивалась, тихонько вышла, захлопнула дверь и, прикрываясь платком, сбежала по ступеням. Не оборачиваясь, нырнула в спасительную темень.

* * *

Она успела как раз вовремя: со стороны темного бесформенного массива гаражей показались двое. Они возвраща-

лись. Как и час назад, один остался на месте, а его товарищ поднялся на пятый этаж. Удача, подумал он, держа в руке связку ключей; их он прихватил со стола покойного каперанга, наверное, по привычке. Он прошел в комнату и, неплохо ориентируясь, взял со стола оставленную им вещь.

20 мая, понедельник, три дня спустя

Она механически выполняла одну и ту же работу, как делала ее изо дня в день. Только сегодня обычно голубоватых тонов косынка на голове эксперта городской судебной лаборатории отличалась траурным цветом и сливалась с иссиня-черными волосами. Длинные концы косынки, обхватывающей лоб и завязанной на затылке, то и дело падали на плечи, и Лейла часто поправляла их. Может быть, за этими жестами она прятала нервозность; и вообще впервые не знала, что делать во время пауз. Взгляды коллег, обращенные на нее, вызывали смущение, ее жуткая тайна уже не казалась тайной. Мерещилось, что все ее движения, взгляды, речь вызывают подозрения у прокурорских и милицейских работников.

Она снимала обезображенный временем труп капитана первого ранга Михаила Бондарева; и без того грузный каперанг, словно в насмешку над его фамилией, превратился в безразмерную бочку – сказала жара и духота при закрытых окнах. Рот все так же открыт, веки в окружении опухших, водянистых щек уже не кажутся такими огромными.

Что делать? Лейла боялась даже анонимно сообщить в органы о трупе в квартире каперанга, за нее это сделали соседи, которых буквально доконал запах из соседней квартиры:

то ли газ просачивается через дверь, то ли кошка сдохла.

Все одно к одному, закономерности тут не место. Жена Михаила Бондарева гостила в это время у матери в Вологде, сослуживцы были уверены, что капитан взял краткосрочный отпуск...

– Вот с этого местаними, – командовал подростковым ломающимся голосом старший следователь прокуратуры Ислам Каримов, одетый в мятый деловой костюм и распространяющий вокруг запах перегара. Вообще прокуроров всех мастей наехало столько, что им не хватало места в трехкомнатной квартире моряка. Ему одному, разбухшему, там было тесновато.

– Хорошо, – привычно и нараспев повторяла вслед за прокурорским чином Исмаилова и изо всех сил старалась казаться невозмутимо деловой: мало ли кого убили. Она частенько выезжала на десяток вызовов с трупами ежедневно. Даже сделала попытку повторять про себя: «Я невозмутима, хладнокровна...»

Хладнокровна...

И едва сдержала тошноту.

Она инстинктивно снимала с тех точек, что ранее брала в кадр еще «свежего» Михаила: обзорные снимки, угловые, с масштабной линейкой; часто его тело снова полностью попадало в кадр отличного отечественного фотоаппарата. И почти всегда ракурс съемки совпадал с тем, что делала Исмаилова днями раньше. И страх, в котором она жила все эти дни,

все больше сжимал ее душу. Но поделиться своими страхами она не могла ни со знакомым прокурором, ни с чужим обвинителем, ни с военным, ни со знакомым следователем, который клеился своей лапой к ее вдовьей заднице при всяком удобном случае. И причин прибавилось. Обладая, если можно так сказать, фотографической памятью, эксперт отметила, что на столе, за которым располагался труп, сейчас не хватало одной мелочи – важной или нет, вопрос так не стоял, во время проведения следственных мероприятий не бывает мелочей.

Слава Аллаху, у Исмаиловой хватило ума и мужества не избавиться от той, первой отснятой фотопленки. И первое, что она сделала, управившись с сегодняшней работой, напечатала крупным планом одну фотографию, которая ее интересовала больше всего. При ближайшем рассмотрении поняла, что не ошибалась. На краю стола лежал листок бумаги или снимок, на котором по краям явственно обозначилось сочетание четырех знаков: «П 1-4».

Выходит, сделала она вывод, убийца побывал в доме каперанга после ее панического бегства и забрал со стола бумагу – эту важную улику. И опять же был уверен, что дамочка убежала от испуга. Да, все так, если только видел ее, улепетывающую со всех ног. Сейчас обостренные чувства заставляли идти дальше: убийца не только видел, но и проследил за ней, а сейчас прячется в полусумраке подъезда.

Лейла буквально утопала в страхе, погрязла в уликах, ко-

торые обращивались против нее, – последняя, самая ничтожная, связанная скорее с секретами начальника отдела разведки Каспийской флотилии улика и станет самым большим саваном. Ее завернут в нее, да еще останется место для дочери.

«Что делать?»

Исмаилова, рассматривая снимок, сделанный крупным планом три дня назад, твердо решила: молчать.

Часть I

Разные судьбы

Глава 1

Пираньи из «Аквариума»

1

*Москва,
15 июня, суббота*

Доклад исполняющего обязанности командующего Объединенной группировкой войск, распространившийся по главам Генштаба и коридорам Федеральной пограничной службы, походил не на четкий рапорт военного, а на невнятное бормотание помощника командующего ОГВ по работе со средствами массовой информации. Особо выделялась фраза, произнесенная генералом дважды – в середине и в конце доклада: «Банду ждут».

Ее начальник ГРУ генерал-полковник Ленц также повторил несколько раз. Ждут, это хорошо, но когда тридцать (согласно разведданным) вооруженных до зубов бандитов ждут в засаде десять российских пограничников... Зубов во рту не

хватит скрипнуть адекватно ситуации.

Генерал-полковник появился в своем кабинете в начале восьмого утра. Со свежим, хотя и недовольным лицом, гладко выбритый, одетый в темный костюм и светлую рубашку. Игорь Александрович не любил костюмов светлых тонов – особенно серых, на нем они, по его личному мнению, от чего-то всегда выглядели мятыми, будто приобретенными в магазине погребальных услуг, а не сшитыми по заказу лучшими портными столицы.

Ленц боготворил раннее время, любил выходить в пустую приемную с ее коричневатым полусумраком, слушать тишину длинных пустынных коридоров «Аквариума». Думалось в такой атмосфере лучше, чувствовалось острее.

Иногда начальник военной разведки выпивал натошак рюмку коньяка и наслаждался нежным послевкусием, легким хмелем, слабым покалыванием в кончиках пальцев, которые на короткое время приобретали чувствительность пальцев скрипача, получал кайф от аромата дорогого напитка, намеренно не закрывая бутылку.

Подобное состояние, которому Ленц дал определение свободного полета, длилось недолго; и невесомые его последствия исчезали с первым глотком горячего чая.

Согласно оперативной информации, чеченские бандиты, покинувшие Панкиси¹, намеревались проникнуть на терри-

¹ Ахметский район Грузии. В Панкисском ущелье семь кистинских сел с центральным селом Дуиси, четыре осетинских, пять грузинских.

торию Чечни через Шаройский район. В сторону развалин Кеселой выдвинулась группа пограничников – одиннадцать человек вместе с командиром. Погранрасчет прошел вдоль русла Шароаргуна и поднялся в горы – встречать взвод опытных наемников-егерей, чья родина – Кавказ, бандитов, которые навели ужас в грузинских и абхазских селах и вырезали в некоторых всех взрослых мужчин, а где-то даже женщин и детей. Максимум, на что хватит «зеленых» пограничников, проходящих срочную, – рассеять группу бандитов, а скорее всего сложат они в горах свои головы.

Ленц связался по телефону с директором Федеральной пограничной службы и и.о. командующего ОГВ. Оказалось, директор ФПС распорядился выслать в Шаройский район погранотряд особого назначения, а пока уповал на силы личного состава хашелдойской заставы и помощь, обещанную из Ханкалы.

Можно согласиться с коллегой из погранслужбы: «Высылай своих ребят». Тут не до соревнований, но генерал-полковник подумал, что его «ребята» окажутся в Шаройском районе быстрее. И те, и другие опытные, но часто между бойцами разных ведомств возникает несогласованность. А к чему она может привести, и не раз приводила, руководители силовых ведомств знали на порядок больше, чем средства массовой информации.

На скорость и нахрап боевиков взять можно только ценой неоправданных потерь среди личного состава.

Да, тут не до соревнований, но и не до приоритетов тоже. Директор ФПС всегда отличался взвешенными решениями и ситуацию понимал с полуслова. И в этот раз должен не понять, но в первую очередь согласиться с предложением начальника военной разведки.

– Константин Федорович, у меня борт на парах, забрасываю группу спецназа в Чечню. Давай сделаем так. Мои придут быстрее, осмотрятся. А ты готовь своих. Дай им инструкции... Да, Костя, правильно мыслишь. Чтобы одни не пошли в атаку по зеленой ракете, а другие по красной... Понравилось выражение? Разрешаю использовать. Теперь по бойцам хашелдойской заставы. – Начальник ГРУ, начавший разговор с ленцой старой, заплесневелой, но все же зубастой шуки, заканчивал его с агрессией спрута: – Вот где они застряли, там пусть лежат и носа не показывают. С этой минуты никакой связи в эфире, пусть молчат, как дохлые рыбы. Запрети всякое взаимодействие с ментами, особенно чеченскими, подразделениями ФСБ и прочей братией... Хватит рассеивать бандитов!

Окончив разговор с директором пограничной службы, Ленц согласовал оперативные вопросы с Ханкалой.

Прошло не больше получаса, и вот на летное поле подмосковного аэродрома Чкаловский ступила прибывшая на вертолетах группа из Центра спецопераций ГРУ «Луганск» – первый взвод второй роты в полном составе. Транспортный самолет стоял уже с прогретыми двигателями, и как только

бойцы заняли свои места, борт вырулил на взлетно-посадочную полосу и взмыл в небо.

В салоне находилось пятьдесят человек ровно. Экипированы соответственно: униформа и лица под «зеленку», бронежилеты, «боевые выкладки», бесшумные автоматы «АС», снайперские винтовки той же системы, бесшумные пистолеты, стреляющие ножи, оптика ночного видения.

Командовал подразделением подполковник Сергей Марковцев. Он сидел рядом с бойцом из третьей учебной роты Игорем Стеблиным: таких «учеников» в группе, летящей на боевое задание, насчитывалось четверо – обкатка боем.

Перед заходом на посадку командир экипажа и диспетчер военного аэродрома перебросились шуткой:

- Какая у вас погода, браток?
- Грозовой фронт. Как всегда.

Едва шасси самолета закончили свой бег в конце взлетно-посадочной полосы, группа десантников, не мешкая и следуя указаниям диспетчера наземной службы, бегом направилась к стоящим на парах «крокодилам». «Ми-8» в сопровождении «горбатых» – «Ми-24», вооруженных «фалангами» и «штурмами», также оперативно взяли направление на Шаройский район Чечни, неся в чреве «личную гвардию» начальника ГРУ генерал-полковника Ленца.

Чечня, Шароаргунское ущелье

«Вертушки» прошли как раз над тем местом, где сутками раньше заночевал пограничный дозор. Уйдя километра на три-четыре и найдя удобное место для высадки десанта рядом с развалинами, вертолеты снизились, и десантники по одному покинули машины и начали рассредоточиваться вдоль русла Шароаргуна. «Вертушки» тем временем взяли курс в обратном направлении.

Непередаваемое чувство, когда над головой проходит хотя бы пара боевых вертолетов. Звуковое давление прижимает к земле, рокот двигателей и простреливающий грохот вращающихся лопастей проникают через каждую пору, через каждую клетку. Такая вот воздушная мясорубка, военный рок-н-ролл, частенько сопровождающийся громом ракетных ударов.

Спецназовцы высадились так оперативно и скрытно, что боевики приняли их вертолеты за машины обычного воздушного патрулирования. Они не без основания полагали, что летчики боятся «стингеров» российского производства – переносных зенитно-ракетных комплексов «Игла» и даже обычных гранатометов. За последнее время несколько вертолетов сбито, и до сей поры не могут найти ни их останки, ни экипажи с пассажирами.

В районе аэродрома Ханкала (пригород Грозного), который чеченские бандиты прозвали «Черной дырой», при выполнении полета исчез с экранов радаров вертолет огневой поддержки «Ми-24» ФПС России с тремя членами экипажа на борту. Машина вылетела для сопровождения «Ми-8» в расположение командования Итум-Калинского погранотряда. Однако из-за неблагоприятных условий была вынуждена вернуться назад. До настоящего времени военнослужащие ведут поиск боевой машины, которая действительно словно канула в черную дыру.

Также потерпел аварию вертолет «Ми-8», принадлежащий Минобороны России. Машина разбилась около 07.15 по московскому времени 2 сентября 2001 года в районе населенного пункта Хиндой – горный район на границе Чечни и Дагестана. Погибли четверо военнослужащих, находившихся на борту, в том числе и трое членов экипажа.

И еще несколько случаев – их боевики считали, равно как и «пропавший» вертолет с высшим командным составом (генералы, полковники) и сбитый в канун прошлого Нового года «Су-24» с катапультировавшимся летчиком. Наверняка и сейчас «духи» решили за русских, что случай с «Ми-8» и вертолетами огневой поддержки может повториться. Не станут федералы рисковать. Так, покружили и забыли.

Другое дело «сухие» – «грачи», те могут налететь гуртом и попортить красивую горную породу. Только толку от их налетов маловато: часто попадают по своим.

– Привет «зеленым беретам», – закрытым текстом по радиции приветствовал пограничников Марковцев. – Командир отряда ко мне, тебя встретят.

Через двадцать минут перед Марковцевым стоял командир наряда, заместитель командира хашелдойской заставы капитан Сысоев, выпускник Московского высшего погранучилища. Оказалось, серьезный малый с серьезными же намерениями. К дому на взгорье, окруженному кошарой и сараями, пограничники сумели притащить «АГС-30» – автоматический станковый гранатомет и пару коробок с «выстрелами» к нему.

– Зачем вы тащили это дерьмо на себе? – спросил Марковцев, когда в бинокль разглядел место, где укрылись боевики. – Дом и кошара бревенчатые, гранаты будут застревать в дереве, и все. Ни одна не разорвется, – авторитетно пояснил он.

«А ты пробовал?» – хотел съязвить Сысоев.

– Нашумели вы, боевики уйдут в горы, – негромко сказал он, вытянув из пачки сигарету. Затянувшись, закашлялся, затушил сигарету о каблук – попалась полупустая, и закурил новую.

– Никуда они не уйдут. Им в Чечню прорываться надо. Попробуют в другом месте спуститься, все равно мы их накроем.

– Может, с воздуха?

– Сверху, брат, плохо видно, кто свой, а кто чужой. Пока

солдат не взойдет на гору, толку не будет.

Боевики вели себя вызывающе. Может, сказалась безнаказанность, с которой они хозяйничали в Панкиси. Они не таясь передвигались по территории временной стоянки. Костров, правда, не разжигали, закусывали, сбиваясь в кучи по четыре-пять человек. Возможно, владели информацией о малочисленности погранотряда, который наверняка попробует блокировать им выход. Но одну из главных задач решили: перешли границу и остановились, чтобы отдохнуть после трудного пути по горным тропам.

Впрочем, задача для них не такая и трудная. С грузинскими блюстителями границ они явно нашли общий язык, а российские пограничники не станут открывать огонь по бандгруппе, находящейся на чужой территории.

Марковцев обозревал окрестности в бинокль. Панорама впечатляла. «Зеленка» будто штурмовала высоты, взбиралась на горы, падала в распадки, растекалась по ровным участкам. Здесь легко можно спрятать дивизию. Подполковник невольно посочувствовал пограничникам, испытывающим при патрулировании границы гнетущее чувство тревоги. «Маленькие зеленые человечки». Фантастика, переходящая в тревожную реальность. Каждый куст, каждый ствол дерева был предателем: сегодня ты укрылся за ним, завтра он укроет чужака.

Может, даже сочувствие подтолкнуло Марковцева к решительным, но отнюдь не бесшабашным действиям. В его

планы входило обозначить не свой отряд, а показать бдительность и «неопытность» пограничного дозора, ночевавшего здесь.

— Ваня, — позвал Сергей спецназовца со снайперской винтовкой в натруженных руках. — Видишь, мужик за кошарой красуется в черной майке? Под спецназовца ГРУ косит. По-крась-ка его майку в наш родной, красный цвет, пока он не ушел.

Иван Колпаков прилег за камнем, быстро прицелился, и бородатый мужик в черной майке упал как подкошенный.

«АС» стрелял тихо, звук выстрела можно было услышать максимум за десять метров, но этого в горах хватало за глаза. Кто стрелял, откуда — непонятно. Боевики начали стрелять во все стороны; кажется, ранили своего.

Марковцев наблюдал в бинокль: «духи» небольшими группами по распадкам поднимались в горы. Одиночный выстрел только всполошил их, вдогонку не раздалось ни одной очереди. Какое-то время они будут вслушиваться и скоро примут решение возвращаться, поскольку тишина и неорганизованный выстрел в их сторону говорили лишь об одном: на их пути обычный дозор в составе десяти-пятнадцати пограничников. Их обнаружили, и, пока не пришла подмога, им стоит поторопиться. Для дальнейшего перехода они используют темное время суток, ибо снайпер, который есть в каждом «зеленом патруле», показал им, что умеет стрелять. И они выставят против него пару-тройку своих «кукушек».

А вертолеты, наделавшие шуму, подстегнут их к решительным действиям.

– Теперь вторая задача, – продолжил Марковцев, – которую ставят перед собой боевики: проверить на прочность ваш явно новый рубеж и передать информацию своему начальству. Им дали команду, и они ее выполняют любой ценой. Иначе секир башка. Так что, повторяю, с гор они слезут.

Он отдал распоряжение командирам групп:

– Значит, так, в распадки не спускаться – щель, обнесенная деревьями и кустами, считается вражеским опорным пунктом, и огонь по укрывшимся в ней ведется без предупреждения. А вот по кустам не стрелять, они наши. Снайперы работают парами. С низины уходим, будем встречать бандитов наверху.

Капитан Сысоев также получил распоряжение не стрелять выше линии, обозначенной Марковцевым на взгорье: его бойцы ниже ориентира не спустятся, а того, кто перешагнет невидимую черту, пограничники обязаны встречать плотным огнем.

Марковцев разбил отряд на три группы – две фланговые, одну ударную, которая должна засветло выйти за спину боевикам. Осматривая местность, он учел один небольшой, но очень важный момент...

Генерал-полковник Ленц в это время рассуждал о неграмотности в проведении контртеррористической операции. Как никто другой, он понимал, что из рук военных вырвали их законную и справедливую работу, отдали обтачивать «чеченскую» болванку на оптико-шлифовальный станок. Хотя место ей по-прежнему на станине долбежного станка. Военно-долбежного. Где надо – не без помощи авиации, артиллерии; делая упор на подразделения специального назначения.

На деле же выходило по-другому. Милиционеры, которые вчера гоняли шпану на рынках, обирали торговцев и проституток, сегодня с автоматами в руках озираются среди развалин Грозного, Гудермеса, Урус-Мартана и называют себя омовцами. Фээсбэшники расставляют по кустам агентурные сети – как раз их работа. А все шишки валятся на военных: «Не видишь, сука, в нас стреляют?! А ну давай сюда «БТР», разворачивай танк!» И – ствол автомата в грудь. Никакой согласованности. А оставь в Чечне тех же фээсбэшников – одних, так и будут держаться за нижний урез своей агентурной сети.

Игорь Александрович, окончивший Военно-дипломатическую академию, не раз поднимал перед руководством вопрос о том, что Генштаб четко не понимает, что же проводится в Чечне – война или специальная операция? Вряд ли

он опирался на Военную доктрину Российской Федерации, где «Основы подготовки и проведения операций» расшифровываются как «совместная с МВД операция». Просто такой операции с военной точки зрения быть не должно. Поскольку передача функций от одного ведомства к другому не может быть оправданной. Ибо армия – и только она – владеет всеми силами и средствами управления на всех уровнях – тыловом, техническом и прочем. Остальные – ОМОН, СОБР, отделы МВД и ФСБ – такой способностью не обладают в корне – «у них другие функции».

«Только вооруженные силы способны комплексно решать задачи локализации и подавления вооруженного мятежа, другие силы в таких конфликтах могут выполнять свои специфические, оперативные задачи только во взаимодействии с вооруженными силами»².

«Политическим руководством страны армии никогда не ставилось конечной цели и задачи по урегулированию конфликта. Военные получали задачу разгромить бандформирования, овладеть территорией, населенными пунктами, обеспечить действия МВД, ФСБ, МЧС».

Однако *эти задачи армия выполнила. Она не проиграла ни одного сражения, ее соединения и части сохранили и даже укрепили, приобретая боевой опыт, боеспособность. Но самого главного – победы – не было и нет до сих пор.*

² Тезисы, приведенные здесь и ниже, взяты из еженедельного приложения к «Независимой газете» «Независимое военное обозрение».

Обидно: не проиграть, но и не достичь конечной цели.
Боевая ничья.

Генерал-полковника Ленца скупно хвалили за удачи, но... как ни странно, пропускали мимо ушей его «неуды». А ведь это показатель, которым Игорь Александрович мог и гордиться: в отдельных случаях он тащил на плечах военной разведки и ее подразделений «всю страну». Из чернильного облака, которым спрут окутывался чаще по собственной инициативе, сверкали его чуть насмешливые глаза и был отчетливо виден его ядовитый коготь. Он – начальник военной разведки, которой не было равных в мире, – был ранен в Чечне. И если «торговая марка» военной разведки – это летучая мышь на фоне Земли, то брэнд ее руководителя – осьминог, охватывающий щупальцами земной шар.

Ленц снова вернулся в мыслях к хашелдойской заставе.

В конце июня прошлого года в Шароаргунском ущелье бандформирование Магомеда Царгаева уже пыталось перейти границу России. В состав банды входили в основном иностранные наемники. На местах боестолкновений были «обнаружены лазерный дальномер, приборы ночного видения, спутниковые приборы определения местоположения на местности, оружие с разрывными пулями, обмундирование, походные хирургические комплекты, альпийское снаряжение. Все, за исключением оружия, иностранного производства».

В прорыве участвовало до шестидесяти наемников.

Операция продолжалась два дня и закончилась к вечеру 26 июня. Итум-калинский отряд потерял двух человек убитыми, девять пограничников получили ранения. А банда была рассеяна. Магомед Царгаев потерял по меньшей мере шесть человек убитыми; последнего боевика выловили в буйном Шароаргуне у селения Дай во время зачистки горно-лесистого массива.

Брошенное снаряжение и кровавые следы, оставленные тяжелоранеными бандитами, указывали на панику в рядах банды Царгаева и слаженные действия наших пограничников.

Но, как заметил генерал-полковник Ленц, время «рассеиваний» прошло.

* * *

Ударную группу против всей тактики Сергей Марковцев оттянул назад. Две фланговые расположил так, чтобы во время ведения огня они не находились друг против друга и не перестреляли себя. Собственно, теперь он ждал основного момента – темноты и восточного ветра. А тот, набирая силу, играл на руку боевой группе подполковника.

Командир действительно рассчитал все точно, ибо видел порой то, что другой пропустит. Обычно при массированном и неожиданном ударе в горно-лесистой местности, как эта, боевики отступают распадками, укрываясь за повален-

ными деревьями, и обходят кусты – ненадежные укрытия. Но и распадки – тоже не спасение: засидишься – забросают из подствольных гранатометов или по одному перебьют из бесшумного оружия. Чеченцы всегда боялись скрытых действий противника – будь то бесшумный автомат, пистолет или стреляющий нож. Невозможно определить, откуда летит пуля.

Но все они были профессионалами высокого класса. Если российские подразделения за последнее десятилетие почти утратили специалистов, способных вести боевые действия в горах, то чеченские боевики выросли и жили среди гор.

Однако почти – не считается. Спецам из группы Марковцева поставленная задача была по силам.

Когда стемнело и часы на руке командира показали 23.30, он отдал команду поджечь прошлогоднюю траву, сухим ковром протянувшуюся к строениям. Огонь пополз по взгорью, прямо на дом, сарай, кошару, в которых расположились боевики.

3

Стена огня и дыма, ползущая снизу вверх, подняла боевиков на ноги. Этот метод борьбы был им незнаком. Тем более ночью. Их вообще в темное время суток старались не задевать. Во всяком случае, им так казалось.

И если «духи», стреляя, что-то выкрикивали, обозначая

себя, то спецназовцы работали молча. В абсолютном молчании Иван Колпаков, обозревая зеленую панораму в оптический прицел ночного видения, ловил в перекрестие одну движущуюся фигуру за другой. Спортсмены стреляют по летающим тарелкам дробью, радиус рассеивания дробин достаточно велик, чтобы хотя бы одна из дробинок попала в летящую цель. Колпаков же с товарищами клал пули в мечущиеся фигуры бандитов ночью, в задымленной местности, с подсветкой на глаза от горящей травы и занявшегося огнем сухого кустарника, что серьезно затрудняло видимость. Стрелял так точно, как не снилось ни одному стрелку-спортсмену. И все так же молча. Что казалось немного жутковатым. Что-то гортанно выкрикивали бандиты, а спецназовцы хранили абсолютное молчание, и оружие в их руках, словно прислушиваясь к хозяевам, издавало лишь негромкие хлоп-ки.

Все это заставило боевиков сделать еще одну, последнюю ошибку: вместо того чтобы, как обычно, разбиться на мелкие группы и отступать, они все больше сплывались. Страх, об-лаченный в невидимые фигуры противника, сгонял их в кучу.

Спецназовцы, наоборот, видели достаточно хорошо для точной стрельбы и маневра.

На вооружении десантников были приборы ночного виде-ния, крепившиеся ремешками к голове. В отличие от обыч-ных очков «НВ», в них можно смотреть лишь одним глазом.

Незаменимый прибор, оснащенный микроусилителем, имеющий поле зрения больше сорока градусов. Игорь Стеблин, бывший морской пехотинец по кличке Пехота, отрабатывал по «духам» из «АС». Он обозревал местность через монокуляр, а автомат наводил на цель когда по пятну лазерного луча, а когда через оптический прицел, установленный на оружии. Он и еще два бойца находились рядом с подполковником Марковцевым и «крыли» пару своих снайперов.

Чеченские боевики все же начали рассеиваться в трех направлениях, но везде встречали плотный и меткий огонь спецназа. Собственно, они попали в грамотно расставленную ловушку: по ним работали фланговые группы, а впереди встречала ударная, оттянувшаяся назад. Не шли они только в одном направлении, откуда их выгнал огонь и где залегли бойцы погранотряда, усиленные пятью «луганцами», и прикнувшая к ним десантно-штурмовая маневренная группа пограничников, находящаяся в автономном походе. Марковцев рассчитал все точно – не полезут боевики в огонь, ибо те, кто поджег траву, по логике, должны находиться за линией огня. Огня, который демаскировал их. И они убегали от него, стреляя наугад. Ныряли в распадки, по которым велся шквальный огонь из автоматов, куда летели гранаты спецназовцев, без опаски нанести ранение своим.

К утру с боевиками было кончено. Лишь пара «духов», укрывшихся в расщелине, огрызалась короткими очередями из автомата и пулемета. В 8.30 по местному времени пу-

леметчик, сделавший неосторожное движение, получил пулю из снайперской винтовки, автоматчик сдался, истошно предупреждая криками о добровольной сдаче. Вниз полетел автомат, потом «РПК» убитого товарища, и над каменистой грядой поднялись руки.

* * *

Только после этой попытки прорыва боевиков в Чечню в тылу у пограничников стали формировать батальонные тактические группы. Задачи таких подразделений ясны – поддержка «зеленых», уничтожение бандформирований при попытке пересечь границу в ту или иную сторону. Их окончательное формирование планировалось завершить в начале – середине августа текущего года.

4

16 июня, воскресенье

Утро выдалось ясным, на небе ни одного облака. Ветер относил дым пожара в горы. Кое-где горел кустарник, дымился остов кошары, отрывивал через окна последние клубы дыма бревенчатый дом; удивительно, но он не сгорел полностью. Стоял, прокопченный, без крыши, с выбитыми стеклами и рамами с выгоревшей краской.

Пленного «духа» обыскали. Содержимое его карманов и

рюкзака лежало на куртке, которую «луганцы» сняли с боевика. Он стоял на коленях, брюки расстегнуты, камуфлированная майка, мокрая от пота и с пятнами крови, задрана на голову. Он уже давно понял, что попал в руки не «собак», а настоящих «гоблинов»³, возникших как из-под земли.

Двое стояли в паре шагов от него. Близость скорого конца обострила его слух и зрение. От зверя его отличало одно качество, присущее лишь человеку: убивая, он испытывал удовлетворение, тогда как зверь не чувствует ненависти к своей жертве. Сейчас же он стремительно терял это качество, отчасти поэтому видел его в бойцах, которых еще мог рассмотреть сквозь ткань майки, закрывающей лицо. А человека, который неспешно направлялся в его сторону, видел довольно отчетливо. Ясно различил движение его руки, высвобождающей нож из ножен; этот жест внятно говорил о намерении спецназовца.

Ему перережут горло. Как барану. Как пленнику. Без жалости к своей жертве.

Так люди они или звери, эти спецы, которые небольшим, судя по всему, составом в считанные часы уничтожили боевой отряд, считавшийся одним из лучших и носивший имя собственное – «Черный эдельвейс»?

Сейчас растоптанный, надломленный «эдельвейс», который осталось только срезать, жаждал увидеть в них людей.

³ На жаргоне чеченских боевиков «собаки» – служащие внутренних войск, «гоблины» – десантники.

Марковцев опустился перед боевиком на колени, одной рукой взялся за майку и освободил голову пленного, другой, вооруженной острым ножом, сделал резкое движение вверх.

Бандит даже не успел вскрикнуть. Он не почувствовал острой боли в груди и обжигающего потока горячей крови. Вообще ничего не понял. Лишь спустя некоторое время начал осознавать, что еще жив, а на теле нет ни одной ссадины, кроме тех, что он получил, выбираясь из расщелины. Стальное лезвие распорол майку от нижней кромки до горловины, сейчас она широким бесформенным лоскутом лежала справа от него.

Спецназовец ничего не прибавил к своим действиям, но где-то внутри сознания «духа» пронеслось сквозняком откровение, для него самого – жалкое и унижительное: он не имеет право носить камуфлированное облачение спецназа.

Трое суток назад он, окруженный товарищами по оружию, под их одобрительные возгласы и ритмичную музыку, отплясывал лезгинку; разрывал живую цепь, вставая в круг и уступая место очередному танцору. Потом, уже без музыки, но в сопровождении молитвенного ропота, этот же ранее беснующийся в танце круг снова пришел в ритуальное движение.

Так их провожали в одном из сел Панкиси – Худоргесе.

С таким настроением они преодолели перевал на грузино-российской границе. С таким же расположением духа, откровенно рисуясь, сделали очередной привал в брошенном хозяйстве у развалин Кеселой.

Все оборвалось в один миг. Ладно бы там воинственно-танцующая цепь порвалась из-за одного звена... Наоборот: цепи нет, лишь одно звено осталось, которое звали Саламбеком Ариповым. Называя себя, пленный чеченец ответил на первый вопрос командира спецназа.

Задавая вопросы, Марковцев осматривал вещи Саламбека. Собственно, перед Марком находился обычный набор чеченского боевика, скрывающегося в горах: хлорсодержащие таблетки зарубежного производства для очистки воды, причем с ароматической добавкой, отличающиеся от отечественных, отдающих хлоркой; несколько «Сникерсов» – любимая пища «духов», высококалорийная, содержащая в себе все питательные вещества, необходимые человеку; медицинский индивидуальный пакет, включающий сильнодействующее обезболивающее средство; нож с широким и длинным клинком, радиостанция «Кенвуд», деньги в американских долларах, початый рулон туалетной бумаги, записная книжка – обязательный атрибут чеченского бандита, и карта Грозного.

Чеченец и не собирался врать, говорил как на духу, взяв на вооружение тактику израильских военнослужащих, попавших в аналогичную ситуацию: говорить только правду.

В компетенцию Сергея Марковцева входила «горячая» обработка, и он задавал вопросы, далекие, казалось бы, от его миссии в этих краях и в этих же краях звучащие диссонансом. Природа, которая взяла в кольцо людей, маскиро-

вавшихся под нее, казалось, противилась словам, вылетавшим из горла человека, ее же топтавшего:

– ... Деньги мы получали из Твери и Москвы.

– Какие структуры снабжали вас деньгами?

– Они связаны с хлебом...

Хлебной мафией в России – в частности, в центральном регионе (Москва, Тверь) – заправляют чеченцы. У них, как и во многих структурах, мощная служба безопасности, которая умеет закрывать любые уголовные дела. Вообще хлеб в России – самый стратегический товар. Зерно – стратегическое сырье. Если посмотреть с другого бока, то фактически получается, что русские фермеры и крестьяне, продавая хлеб за бесценок, кормят и вооружают чеченских бандитов. Знают об этом или нет, вопрос лишний, не умирать же им с голоду, бросив работу.

– ... Следом за нами через границу должен пройти еще один отряд.

– Сколько «штыков»?

– Шестьдесят.

– Кто командир?

– Шерип Абакаров. Он командир среднего звена, подчиняется Руслану Гелаеву.

– Цели? – Сергей взял в руки карту столицы Чечни. Слушая боевика, изучал пометки на ней и словно контролировал каждое его слово. Образно, перед ним находился озвученный план по захвату Грозного, назначенного Масхадовым

на 10 июля. Полковник Масхадов разработал безупречный с точки зрения тактики план. К операции по захвату столицы Чечни планировалось привлечь до трех с половиной тысяч человек, включая две тысячи боевиков, которые затаились в Грозном под видом мирных жителей. Если посчитать количество военнослужащих федеральных войск в грозненском гарнизоне, а их насчитывается две тысячи, то план Аслана Масхадова был осуществим с запасом. Теперь, с учетом психологии боевиков и самого полковника Масхадова, можно было с уверенностью сказать, что, потеряв главное – внезапность, боевики в составе полутора тысяч в город не сунутся. Что касается двух тысяч, которые камуфлировались под мирных жителей, то работа по их выявлению идет давно и безуспешно; количество их давно перестало удивлять.

План...

10 июля...

Марковцев не мог себе представить, что именно 10 июля станет одним из самых тяжелых дней в его жизни. Дата, почти ничем не связанная ни с ликвидацией банды «Черный эдельвейс», ни с показаниями этого пленного чеченца.

– Коридоры на грузинской границе?

– По горам – с грузинскими проводниками. А так можно через Владикавказ. Но в основном через Дагестан и Ингушетию. Без личного досмотра пограничники пропускали за сто долларов, с оружием – за пятьсот. Наш отряд проехал через границу на восьми легковушках за один день. Машин полно

на вокзальной площади, любой возьмет.

– Кто рассчитывался с пограничниками?

– Водители. Мы отдавали им деньги, остальное нас не касалось.

– Связи в Грозном?.. В администрации Чечни?..

Марковцев закончил допрашивать пленного. В другой ситуации он мог сказать ему на прощание: «А вообще ты зря побежал». Не оглядываться на кричащего на всю округу чеченца, не смотреть, как «луганцы» освобождают ему руки и открывают огонь «при попытке к бегству». Вот здесь стопор, в рекрутах из «Луганска», а значит, и в нем, Сергее Марковцеве.

Стопор – лучше и не скажешь, поскольку Центр спецопераций ГРУ представлял собой четко отлаженный механизм, бездушную машину. И инструкции по ее использованию в чем-то совпадали с мыслями этого пленного чеченца. «Луганцы» не испытывали к нему ненависти, холодно исполняли церемониал уважения к противнику, кем бы он ни был и чьи бы интересы ни представлял.

Трудно быть машиной, думал Сергей. Очень трудно регулировать внутренний мотор, сдерживать обороты там, где он должен натужно реветь.

Нет, он не услышит короткой шипящей очереди, не увидит последнего бойца из отряда «Черный эдельвейс», катившегося по склону, оставляя на траве следы крови.

– Эдельвейсы на лугу не растут, правда, Игорь? – Марков-

цев, проходя мимо товарища, хлопнул молодого «луганца» по плечу.

Сорвав этот черный букет, подполковник Марковцев потерял убитыми одного спецназовца, раненых насчитывалось пятнадцать, около половины. Потери пограничников из хашедойской заставы составили также одного убитого срочной службы, ранения получили пятеро, включая капитана Сысоева.

Глава 2

Старые и новые друзья

1

Московская область, Центр спецопераций ГРУ «Луганск»,

19 июня, среда

Полковник Александр Мещеряков – 43-летний лысеющий брюнет с утомленным лицом и внимательным взглядом – машинально выбрал местом беседы кабинет начальника политчасти. Лишь устроившись за громоздким коричневым столом, покрытым зеленым сукном, а сверху еще и слоем поцарапанного плексигласа, и осмотревшись, пришел к выводу, что действовал по старинке. Раньше к политрукам относились не менее трепетно и боязливо, чем к командирам частей. Начальники штабов, к примеру, занимали третье почетное место, продолжил тасовать должности Александр Александрович, поджидая офицера по тактико-боевой подготовке.

Не во всех воинских подразделениях есть политчасти и отделы, но в Главном разведывательном управлении Генштаба, где проходил службу Мещеряков, в обязательном порядке функционировало политическое управление.

Полковник, раскрыв папку, еще раз пробежал серыми внимательными глазами данные на человека, которого ожидал с минуты на минуту. Марковцев Сергей Максимович, 1959 года рождения, последняя занимаемая должность – командир батальона (отряда) особого назначения. Окончил факультет спецназа при Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище и Высшие разведывательно-командные курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС). 1981 – 1983 гг. – командир роты спецотряда – одного из двух, сформированного на базах Закавказского и Среднеазиатского военных округов по инициативе начальника ГРУ Петра Ивашутина⁴ «для выполнения специальных задач в кризисных ситуациях на территории Афганистана». С 1986 по 1987 год – сотрудник 3-го отдела 2-го управления Московского военного округа. 1988 год (по заданию ГРУ) – сотрудник 10-го Главного управления Генштаба. 1989 –

⁴ Ивашутин Петр Иванович (18.09.1909). Руководитель советской военной разведки. Летчик. Участник советско-финской войны 1939 – 1940. Переведен на работу в контрразведку. В Великую Отечественную войну – сотрудник СМЕРШа на Закавказском, Кавказском, Юго-Западном, 3-м Украинском фронтах. После войны – в центральном аппарате Министерства обороны СССР. С 1950-го – начальник Управления контрразведки Ленинградского ВО. С 1951-го – на ответственных постах в органах МВД – МГБ – КГБ. В 1954 – 1963 гг. – 1-й зам. председателя КГБ. С марта 1963 по 1987 год – начальник ГРУ Генерального штаба – зам. начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Генерал армии (1971-й). Герой Советского Союза (1985-й). Депутат ВС СССР 3, 7 – 10-го созывов. Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени. На посту начальника ГРУ побил все рекорды – почти четверть века.

1993 гг. – старший инструктор учебного батальона СпН⁵ (5-е управление ГРУ). 1993 – 1996 гг. – командир батальона (отряда) специального назначения «Ариадна». Номер войсковой части в досье почему-то отсутствовал.

Все, на этом «слава» подполковника заканчивалась и начиналось «бесславие».

В 1996 году Сергей Максимович Марковцев, уволившись со службы, возглавил группу особого резерва в криминальной организации. Позже был осужден на двенадцать лет с отбыванием срока в колонии строгого режима. Отсидев год, бежал из колонии и принял предложение военной контрразведки ФСБ стать секретным агентом этой организации. Позже вернулся в военную разведку под агентурным псевдонимом Марк, разработал и лично участвовал в двух диверсионных акциях, проведенных на территориях бывших союзных республик. В настоящее время привлечен как специалист к работе в Центре спецопераций (антитеррора) ГРУ «Луганск». Попал под правительственный указ, выдержку из которого Александр Мещеряков знал наизусть: «Использование (привлечение), а в случае необходимости – освобождение из мест лишения свободы специалистов по борьбе с терроризмом (...) с наделением их иммунитетом от уголовного преследования, когда они по оперативной необходимости внедряются в террористические группировки и вынуждены участвовать в их деятельности; или участвовать в про-

⁵ СпН – официальная аббревиатура спецназа.

ведении подобных острых оперативных мероприятий».

Да, опыта Марковцеву не занимать, еще раз отметил Мещеряков и поднял глаза на вошедшего в политчасть.

Первое, что отметил полковник в облике Марковцева, – это аккуратно подстриженные усы. На фотографиях, которые имелись в деле, Сергей был запечатлен гладко выбритым. И эта небольшая деталь существенно изменила его облик. Разглядывая Марка, Мещеряков пытался дать оценку или понять: идут ли ему усы. Наверное, идут. С ними он выглядел немного моложе, вытягивая в глазах полковника на сорок, и больше походил на военного.

Обычно военная форма относительно старит человека, только то не относилось к полевой форме, в которую был одет Марковцев. Обычная, до некоторой степени забытая, такую выдавали военнослужащим в 70 – 80-е годы в качестве резервной для хозработ, тушения пожаров и прочее. В такую одевали «партизан» на сборах.

– Проходите. – Мещеряков встал и через стол пожал руку спецназовцу. – Полковник Мещеряков Александр Александрович, – назвался он. – Представляю 5-е управление ГРУ.

«Добывающий орган, – машинально отметил частый гость в этом кабинете, – однако занимается самостоятельной агентурной разведкой и подчиняется первому помощнику начальника ГРУ».

– Руководите секцией? – спросил Марковцев.

– Да, – коротко ответил гость спеццентра, в самом начале

беседы теряя инициативу.

Мещеряков в свое время окончил 3-й факультет Военно-дипломатической академии, который готовил офицеров оперативно-тактической разведки, распределяемых в штабы округов. По большому счету они с Марковцевым были коллегами. Только Александр Александрович занимался агентурной разведкой в полосе ответственности ПриВО⁶, а Марковцев курировал деятельность разведывательно-диверсионных подразделений Московского военного округа.

Но все это в прошлом. Сейчас, однако, стоило перейти к делу. Но Мещеряков, закрывая резюме на Марка, не удержался от замечания:

– Не самая хорошая характеристика, которую я когда-либо читал.

– В моей профессии добрая репутация все может испортить.

«Справедливо, – удивленный полковник покивал головой. – Емко и справедливо».

– В 2001 году вы выполняли задание управления в Дагестане, и курировал вашу работу капитан первого ранга Шестаков.

Шестаков был толковым руководителем, но оставил о себе не очень радужные воспоминания. Сергей, не скрывая сарказма, спросил:

– Он и в этот раз собирается выступить куратором?.. Тогда

⁶ ПриВо – Приволжский военный округ.

плохо мое дело.

– Успокойтесь, – так же коротко, но емко ответил полковник. Тихо порадовался, что начинает подстраиваться под необычную манеру Марка вести беседу. С одной стороны, это неплохо. Хотя достичь полного взаимопонимания с таким сложным человеком, как Марковцев, нереально: хоть подстраивайся под него, хоть ложись. – У нас появилась проблема в Каспийском регионе...

Сергей внимательно слушал полковника из 5-го управления ГРУ, или Управления оперативно-тактической разведки. Оно относилось к добывающим органам, то есть занималось сбором разведывательной информации. Однако оно не занималось самостоятельной агентурной разведкой. Основные функции – руководство работой разведывательных управлений штабов военных округов и флотов. Кроме разведывательных управлений военных округов, в подчинении 5-го управления находилась и разведка флота – объединенные в одну структуру штабы Северного, Тихоокеанского, Черноморского и Балтийского флотов. Структура, которая, в свою очередь, руководила четырьмя разведывательными управлениями флотов.

Мотивация этой на первый взгляд сложной системы подчинения простая, машинально думал Марковцев, тем не менее прикидывая: «Какого черта мною снова заинтересовались в связи с Каспием?» Каждый военный округ имел ограниченную полосу ответственности, а корабли флотов выпол-

няли задачи едва ли не во всех точках Мирового океана, и «каждое судно должно было постоянно иметь полную информацию относительно вероятного противника». Хотя начальник разведки флота и руководил всеми разведывательными управлениями военно-морских штабов, но подчинялся приказам Управления оперативно-тактической разведки ГРУ.

Мещеряков предложил гостю какую-то вонючую сигаретку и сам, подавая пример, даже не закурил, а зацадил.

– Ровно месяц назад, – говорил он ровным голосом, окутавшись дымом, – при невыясненных обстоятельствах был убит начальник разведки Каспийской флотилии капитан первого ранга Бондарев Михаил Яковлевич. Я знаю, летом прошлого года вы встречались с ним и получали от него кое-какую информацию.

Сергей кивнул, он помнил толкового каперанга родом из Каспия и там же проходящего службу. Крупный, за сто килограммов, жизнерадостный моряк. Трудно представить его мертвым. Почти невозможно.

– У вас остались неформальные связи с правоохранительными органами в Южном и Каспии? – спросил Мещеряков.

– Да.

– Учитывая и другой факт, – как по написанному шпарил полковник, – что на силовиков оказывается давление и им приказано направить смерть Бондарева в бытовое русло, –

было принято решение привлечь к расследованию вас, Сергей Максимович.

«Ну давай, выкладывай другие факты», – мысленно посоветовал собеседнику Марковцев. Хорошо бы еще не тянул вонючее курило: им он «накурился» с первой же затяжки начальника секции. Пока он не определился, радоваться ему предстоящей командировке или всеми силами огорчаться. Он здесь, в «Луганске», как на зоне, за два месяца лишь раз вырвался за колючую проволоку. Хотя остальные бойцы вылетали в кратковременные командировки на Северный Кавказ регулярно.

Сейчас ему предлагали долгосрочную, судя по всему, работу в том же беспокойном регионе. Самое время спросить насчет прикрытия.

– «Крыша»?

На этот вопрос Мещеряков решил ответить попозже. А пока проявил интерес к работе Марка в Дагестане:

– Вы обрабатывали следователя ОВД Рашидова?

Сергей неопределенно пожал плечами:

– Обошлось без обработки, он просто помогал мне.

– За деньги? – Полковник позволил себе улыбнуться: если следователь районного управления внутренних дел просто помогает агенту военной разведки, это говорит о классной работе последнего. Даже если он и не ставил перед собой задачу прикрутить следователя к пограничному столбу с тремя заглавными буквами: ГРУ.

– И за деньги в том числе, – ответил Марковцев, подумав, что для Рашидова деньги стояли на втором месте после гордости. И переключился на связи в Дагестане. Действительно, в Каспийске, да и в Южном тоже найдется несколько человек, которые помогут не только словом: тот же следователь ОВД, дагестанец, несколько местных жителей, которые до сей поры благодарны ему за то, что смогли покончить со своими кровниками. «Благодарны», конечно, сильно сказано, однако все сделают согласно своим традициям: дадут приют, денег, продадут дом, если не хватит наличных.

Они в корне отличались от афганцев-пуштунов, о гостеприимстве которых можно писать научные труды. Те принимают у себя в доме всех, включая преступников, нередко дают кров даже своим врагам. Находясь в доме афганца, гость может чувствовать себя совершенно спокойно – хозяин будет защищать его с оружием в руках, как самого себя. Но стоит только гостю шагнуть за порог... Короче, афганец волен поступать с ним по своему усмотрению.

Пока Сергея не корбила мысль о том, что, возможно, он использует обязанных ему дагестанцев, но похожее чувство уже заставляло отказаться от предложения. С другой стороны, если верить английской классике, которая подтверждалась жизненным опытом, люди могут говорить что угодно, вплоть до любви друг к другу, но в действительности стремятся лишь использовать друг друга, опекать, властвовать, терзать, уничтожать, плакать друг о друге. Так что о мора-

ли в этом вопросе, впрочем, как и в любом другом, можно забыть раз и навсегда. Другое дело – это предложение военной разведки, любая ее просьба, считай, облечена в приказ. И от Сергея не ждут даже согласного кивка; также не обратят внимания на его кислую физиономию. Что тут же нашло подтверждение в словах начальника секции:

– Вы поедете со мной. Вам полчаса хватит на сборы?

Отлично сказано. Мещеряков имел опыт общения. Он профессионально чередовал жесткие распоряжения с просьбами и пожеланиями. Он не приказывал, а вроде как советовал. А на любое колебание собеседника мог развернуть свою тактику на сто восемьдесят градусов.

– Еще один вопрос. Кто будет моим оператором в Дагестане?

Полковник снова чуть помедлил с ответом.

– Никого не будет. Нам ни к чему лишняя волокита. Один совет, – напутствовал Мещеряков Сергея. – Усы не сбривайте.

2

Москва,

21 июня, пятница

Сергей Марковцев сидел напротив чернявого мужичка роста и телосложения американского комика Денни Де Вито и по его просьбе смотрел чуть выше объектива доисториче-

ской фотокамеры, — ее каркас состоял из деревянных скрипучих стоек, оканчивающихся в самом низу подобием четырехколесного самоката, — «не напрягался, «фиксировал» выразительность в глазах».

Фотографу легко сказать: мол, зафиксируй выразительность, не напрягаясь.

Наконец коротышка, своими большими печальными глазами походивший на пони, сделал снимок, убрав отточенным движением крышку с объектива и тут же водружая ее на место. Потом откатил камеру и повторил процедуру, делая снимок меньших размеров. Указав на стул в зале салона, попросил подождать с полчаса.

Ровно через сорок минут фотограф пригласил Марка в святая святых фотолаборатории, где, не выключая красного света лабораторного фонаря, вручил ему новенький паспорт гражданина России, водительское удостоверение международного класса и пухлый почтовый конверт. Протягивая клиенту документы, коротышка посылал привет от спецотдела ГРУ, занимающегося изготовлением поддельных удостоверений личности; вручая конверт с деньгами, передавал поклон от административного управления, отвечающего за «обеспечение действий ГРУ иностранной валютой».

Откинув плотную черную штору, низкорослый специалист сухо улыбнулся Марку:

— Всего хорошего.

И жестом пригласил следующего клиента, отважившегося

на портретный снимок.

Сергей вышел на улицу, не сомневаясь: если перевернуть все ателье, не найдешь ничего, что указывало бы на нелегальную деятельность его хозяина. Разве что маленькую упряжь, улыбнулся Марк, представив мужичка, запряженного в фотокамеру, которая в воображении легко трансформировалась в маленькую повозку. Всплыли слова из песни:

Мы по всей земле кочуем, на погоду не глядим.

Где угодно заночуем, что угодно поедим.

Театральные подмостки – для таких, как мы, бродяг.

Свежеструганные доски, занавески на гвоздях.

«Зря я про свежеструганные доски-то вспомнил, – оборвал себя Марк. – И гвозди. Как бы не накаркать».

Он открыл паспорт: Алешин Сергей Васильевич. Фамилия как у главного героя из кинофильма «Два билета на дневной сеанс». Пойдет. Двинуть бы, как в начале фильма, какому-нибудь урке, чтобы он попал под грузовик, познакомиться с девушкой... На авиабилете, вложенном в середину паспорта, он прочел время вылета: 15.45. Через час ему нужно быть в Шереметьеве. Все точно рассчитано, не дают ни минуты свободного времени. «Ни суммы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха».

Он был один, но чувствовал повсюду невидимую армию агентов военной разведки. И только в Дагестане поблизости не будет никого. Почти никого. Задача, поставленная Управлением оперативной разведки, маскировалась за причинами

смерти начальника разведки Каспийской флотилии Михаила Бондарева, по легенде – друга Марковцева, и была сформулирована коротко: выяснение обстоятельств смерти Бондарева и мотивов, которые, не исключено, соприкасались с прямыми обязанностями каперанга и несли важную государственную тайну.

Отчасти, полагал Марковцев, ЧП с Бондаревым ложилось на ГРУ, ослабленное потерей вертикальных внутренних связей. Он, работая в этой системе, не понаслышке знал, что разведуправления штабов округов и армий стали брать на себя несравненно больше независимости, чем могли выдержать на своих плечах. Словом, взяли на вооружение клич, обращенный к кому угодно, только не к подразделениям разведки, не терпящей суверенитета: «Берите столько свободы, сколько сможете».

И если каперанг Бондарев был грешен в этом вопросе, не исключено, что поплатился именно за самостоятельность: вовремя не доложил, решая довести какое-то дело до конца силами сотрудников своего подразделения, либо действовал самостоятельно.

Бесполезно гадать, все ответы лежали на берегу Каспийского моря, куда направлялся в данную минуту агент ГРУ Сергей Марковцев.

Его два дня инструктировали по разным вопросам, особенно тщательно была затронута тема международных религиозно-экстремистских организаций, которые в качестве

плацдарма для утверждения и распространения своего политического и духовного влияния на Северном Кавказе выбрали Дагестан.

Рассматривая горную республику как основное оружие осуществления планов исламизации всего Северокавказского региона, в Дагестан потянулись всевозможные международные исламские центры, культурно-просветительские и прочие организации. На Кавказе, как на базаре, бойко функционируют с десятков подобных организаций, финансирующих так называемые «гуманитарные проекты». Они поддерживают сепаратистские движения в Дагестане, Чечне, Ингушетии, межнациональную и межрелигиозную борьбу в России. А такие организации, как «Международная исламская организация спасения» («МИОС») и «Аль-Хайрия», «Катар» и «Икраа», ориентированы на Саудовскую Аравию.

Марковцеву следовало обратить особое внимание на благотворительное общество «Икраа» и лично ее руководителя Джавгара Аль-Шахри, уроженца египетского города Махалла, выпускника медицинского факультета университета «Аль-Азхар». Контрразведка подозревала его в принадлежности к кадровым сотрудникам национальной спецслужбы Саудовской Аравии, действующей под «крышей» «МИОС». Тем не менее в тактике действий Джавгара контрразведчики не обнаружили признаки, свойственные членам такой террористической организации, как «Братья-мусульмане».

– Дело в том, – Мещеряков вводил Марка в курс дел, – что

Бондарев обратил внимание руководства на сношение Джавгара Аль-Шахри с бывшим офицером из Управления космической разведкой (УКР⁷) ГРУ Георгием Хилькевичем...

Егор Гайдар, будучи и.о. премьер-министра России, совместно с министром обороны Павлом Грачевым в 1992 году разрешил Главному разведывательному управлению продавать слайды, сделанные с фильмов, снятых советскими спутниками-шпионами. Качество высокое, цена на зарубежных рынках достигала 2 тысяч долларов за слайд.

– Джавгар действительно покупал слайды у Хилькевича? – спросил Сергей.

– Да, мы провели тщательную проверку обоих. Джавгар, занимаясь коммерческой деятельностью, покупал у Хилькевича слайды, сделанные со спутника, для частного картографического общества ИЧП «Меркатор-Плюс», и снимки эти представляли ценность лишь для гражданской картографии.

Короче, понял Марк, слайды не содержали в себе ничего, что могло бы нанести урон обороноспособности и экономике Российской Федерации. Деятельность Джавгара можно было отнести к коммерческому шпионажу. К тому же, кроме картографических организаций, существуют земельные фонды, сельскохозяйственные институты и прочие организации, работающие на благо Родины и остро нуждающиеся в таких

⁷ Чаше Управление космической разведкой ГРУ называют либо Космическим разведывательным управлением (КРУ), либо Центром космической разведки (ЦКР).

снимках.

Однако еще раз проверить деятельность Джавгара на этом поле не мешало, и это стало для Марка одной из легенд его появления на берегах Каспия.

Другое прикрытие, о котором в свое время не спешил рассказать полковник Мещеряков, – личные счета. Следователь ОВД Южного Рашидов кому угодно сможет подтвердить, что Марк был в Дагестане летом прошлого года. И добавить, что единственный напарник Марка на тот момент – бывший командир группы морских диверсантов, также находившийся в приятельских отношениях с капитаном первого ранга Бондаревым. И все это играло на руку агенту ГРУ, хотя было довольно рискованно.

* * *

Марковцев поймал такси и доехал на нем до аэропорта. Работник пограничной службы внимательно взгляделся в его лицо, затем перевел взгляд на фотографию в паспорте. Несколько секунд, за которые наметанный взгляд пограничника сличал фото с оригиналом, и Сергей получил документ обратно. Иначе и быть не должно, подумал он, сбрасывая внутреннее напряжение и представляя ручной багаж на досмотр. Пройдя металлодетектор, забрал сумку и подошел к широкому окну, выходящему на летное поле. Рядом встала женщина лет тридцати, и Сергей, легко завязывая знаком-

ства, повел с ней непринужденный разговор.

3

Дагестан, пос. Южный,

22 июня, суббота

Первая мысль, мелькнувшая в сознании Усмана Рашидова при виде давнего знакомого, была почти комичной: «Вот оно, хроническое несчастье». Совершенно обескураженный, следовательно местного ОВД шел за своим поздним гостем. Непроизвольно жестикулируя, он бормотал что-то нечленораздельное, словно производил осмотр места происшествия. Хотя в некоторых случаях осмотр производится лишь по факту возбужденного уголовного дела, Рашидов по этому поводу не беспокоился: вот впереди него шагает настоящий возбудитель уголовных дел. Одет этот «гигантский вирус» с иголки – в темно-серые модные брюки, стильную клетчатую рубашку с короткими рукавами и навывпуск, в руках дорожная сумка баксов за двести, туфли тоже потянут на двести.

– Не хотел тебя беспокоить днем, – обернулся Марковцев, взойдя на крыльцо приземистого, с покатой крышей дома, и снял очки с темными стеклами. – Все-таки ты работаешь, человек занятой.

– Ну да, – согласился Усман, чересчур резко открывая летнюю дверь, обтянутую сеткой от комаров, – ты решил ли-

шить меня покоя вечером. На ночь, кагытса, – прогнусавил он любимое «как говорится». И добавил: – Ты где остановился?

– Вчера переночевал в махачкалинском клоповнике. А неделю назад шиковал в своем роскошном доме на Эгейском море, – со вздохом вспомнил Марковцев свою сгоревшую мечту. – Денег у меня хватает, на твоего земляка Шамиля я отработал честно. Хотя он не успел рассчитаться со мной полностью.

«Где он сегодня решил остановиться, спрашивать бесполезно», – догадался Рашидов.

А Марк буквально огорошил его:

– Иисус сказал: «Если войдете в дом, оставайтесь в нем, доколе не выйдете с того места. И если кто не примет вас...»

– Ну? – похолодел хозяин, ожидая страшного для себя продолжения, словно гость зачитывал ему приговор.

– Дальше, Усман, тебе знать не положено. Где твоя половина? – спросил Сергей, останавливаясь в длинном и узком коридоре частного дома.

– К соседке пошла, – простодушно ответил Усман.

– Я про мужскую половину спрашиваю.

Рашидов долго соображал и даже в какой-то момент надумал обидеться. Наконец смекнул, что гость говорит о мужской половине дома. Но ответил неосторожно:

– Проходи на кухню.

Марковцев рассмеялся в нос, похлопывая дагестанца по

плечу.

– Вижу, ты так обрадовался, что даже потерял голову. Но ты прав, – чуть нараспев произнес Сергей, – поговорим на кухне. Вчера я распробовал местный коньяк и прихватил с собой пару бутылочек «Кизилюрта». Пил? – поинтересовался он.

– Пил. Кажется.

Гость прошел в конец длинного коридора, заставленного ящиками. На стенах висели тазы, какое-то тряпье, там же нашел себе место велосипед, крепившийся на крючьях. На полках, заваленных всевозможным барахлом – чайниками, кастрюлями, казанами и прочей домашней утварью, – места не было даже ржавому гвоздю. У Марка сложилось впечатление, что он попал в дом армянина-старьевщика.

Летом прошлого года он не заходил в дом следователя ОВД, разговор проходил в уютной беседке, увитой виноградом. Но и во дворе чувствовалась прижимистая рука хозяина. Он тащил все, что попадало ему в руки. Вдоль забора высились кучи битого кирпича, местами обгоревшего, взятого с каких-то руин, штабеля шифера и досок, ряды бочек. Что творится в сараях, можно догадаться и не заглядывая в них.

– Усман, я объявление в газету давал: «Избавлю от жадности. Дорого». Не читал?

– Нет. – Сам того не подозревая, Усман уже проходил в деле, которое неожиданно свалилось на Марковцева, как агент Марка под оперативным псевдонимом «Помощник».

Первый тост за хозяина дома – это правило. «Помощник» молчаливо наклонил голову и опрокинул в рот рюмку действительно отличного дагестанского коньяка.

– Что привело тебя в наши края, Синдбад? – с интонациями беззубого аксакала пошутил чуть захмелевший следователь. – Ищешь приключений?

– Дела государевы, – ответил Сергей. – Слышал что-нибудь о смерти капитана Бондарева?

– Слышал, конечно, – ответил Рашидов. Смерть начальника разведки флотилии всколыхнула все побережье дагестанского Каспия и ослабевшей волной прокатилась по горной части республики.

Каперанг носил русскую фамилию, однако в ней звучал и местный колорит. Бондарь – уважаемая на Каспийском побережье профессия, канувшая, правда, в Лету. Даже в Южном есть Бондарная улица, в Баку – Бондарный переулок. Жизнь в этом краю, где идет промысел рыбы, сбор урожая винограда, немыслима без бочек. А нефть?

– Почему ты заинтересовался этим делом, Сережа? – Хозяин называл гостя не то что ласково, а намеревался по простоте кавказской и как бы дружественным расположением против всей логики выгнать его вон поскорее.

– Усман, с тобой я могу говорить честно, – начал отрабатывать легенду гость. – Если бы не обстоятельства, я бы проходил службу в экипаже. Неважно, здесь, на Каспии, или на Балтике. С Бондаревым меня связывают двадцать лет друж-

бы. Спроси, откуда я приехал?

Рашидов не стал спрашивать, он слушал гостя, который, по его словам, бросил богатый дом в Греции и, подвергаясь немалым опасностям, пробрался-таки через десяток границ. И все для того, чтобы испортить более или менее спокойную жизнь дагестанца. Иначе Рашидов думать не мог. Дружеские подвижки – тем более русские – ему были неведомы. В свои тридцать пять он хотел жить той жизнью, к которой привык и не хотел отвыкать.

Бывают, конечно, исключения. Вот в прошлом году Сергей со своим другом разбавили местное бытие.

И чего греха таить, ожил тогда следователь Рашидов, взял в руки «калашников»; рискуя сделать жену вдовой, а детей сиротами, палил налево и направо по чеченским бандитам.

«Неужели снова?!» Теперь от тех мыслей остался, как и полагается, лишь пороховой газ. И мог выйти наружу в любую минуту, оставив душу дагестанца полупустой.

А ведь он часто вспоминал Марка. Наверное, потому, что никогда не надеялся увидеть его вновь.

Он заплатит?

– Сколько? – И мгновенно поправился. – Да не в деньгах дело, Сережа! Откровенность за откровенность. Откуда мне знать, может, Бондарев сунул нос не в свое дело, и его убрали. А могилу забросали такими версиями, которые выгодны кому-то. И никаким ломом их не выковырять. Я, кагытса, следователь, и сам себе не принадлежу. Прикажут мне или

надавят, я все сделаю. Потому что не хочу однажды выскочить в одних трусах из горящего дома, ну? А тебе я чем могу помочь? Ну, съезжу я в Каспийск, поговорю с кем надо, а наутро мой дом спалят.

Усман повертел на столе пустую рюмку, бросил на гостя взгляд исподлобья. Положил ногу на ногу, поправил носок и зачем-то понюхал пальцы.

– С кем надо я сам поговорю. Ты скажи, к кому обратиться, – настаивал Сергей.

– От моего имени, да?

– Усман, не нагружай себя. Назови мне имя человека, с которым можно говорить откровенно – вот как с тобой. Все равно откуда он – из прокуратуры или милиции.

– Пойми одну вещь, – продолжал сопротивление Рашидов. – Следствие ведет сводная опергруппа из прокуратуры и ФСБ. Убит начальник разведки флотилии – да там контрразведка все почистила, ни одной сраной бумажки не оставила. Если и нашли что-то, местным силовикам не скажут. В Москве концы этого дела надо искать, а не здесь. Тебе не Усман Магомедович Рашидов нужен, а, кагытся, Иван Петрович Сидоров.

Допив вторую бутылку коньяка и проявив свой мужской характер – послав свою бабу-дагестанку на женскую половину, – Рашидов заплетающимся языком разоткровенничался:

– В Каспии найдешь человека по имени... Тьфу! – выругался он, пьяно мотая головой. – Имя из головы вылетело.

Короче, найдешь следователя по особо важным делам городской прокуратуры Каримова. А, вспомнил, зовут его Исламом. Он ведет это дело. Прихвати с собой ящик вот этого прекрасного шнапса.

– Сколько?!

– Ящик. Двадцать бутылок, понял? На меньшее не рассчитывай, иначе Ислам даже не икнет на твое приветствие. Выпьете по пол-ящика, может, он и покажет тебе материалы дела. Он мастер пить – имей это в виду. Один раз так ухрюкался, что ему под утро вода в горло не пошла. Думал, пересохло совсем в глотке. Оказалось, – «Помощник» оглушительно икнул, – пробку на бутылке забыл открутить. Ну ладно, пойду я прилягу, устал с дороги.

– Вот это торкнуло тебя! – посмеялся над захмелевшим хозяином Марк. – Это я с дороги устал.

Глава 3

Тайнопись

1

23 июня, воскресенье

Марковцев не без основания полагал: ЧП с Бондаревым ложилось и на ГРУ, «ослабленного потерей вертикальных внутренних связей». Даже мертвого каперанга не захотят послать на три заглавные буквы, а лишь метра на два в глубину, ведь расхлебывать его инициативу придется другим. И никто не захочет искать что-то там благое в инициаторских начинаниях моряка со стажем.

Читая дело, возбужденное по факту убийства каперанга Бондарева, «мужика своего в своих же краях», и поглядывая, как старший следователь городской прокуратуры Ислам Каримов прихлебывает из бокала коньяк и действительно не хмелеет, будто сосет материнское молоко, Марк качал головой и не находил в деле ничего для себя полезного. Даже фотографии мертвого Бондарева не произвели на него никакого впечатления. Ну, сидит он, распухший, кормит мух широко открытым ртом...

Наконец, когда последняя страница огромного «двухтомника» захлопнулась, Ислам Каримов, ровесник Усмана Ра-

шидова, удовлетворенно кивнул лысой головой, годившейся для игры в боулинг, и рыгнул на гостя дорогим угощением:

– Сходи к Лейле Исламовой.

– У меня денег не хватит покупать дорогое пойло еще раз, – недружелюбно отрезал Марковцев.

– Да нет, ты сходи, ну? – Каспийский «важняк» с кавказской прямоотой смотрел на московского гостя.

– Она твоя родная сестра? – не хотел успокаиваться Марковцев, уже с неприязнью глядя на Ислама, наливающего коньяк в бокал.

– Она эксперт-криминалист, – пояснил Ислам, – снимки делала с места происшествия, может, что заприметила. У нас люди не без глаз, поговаривают, любовниками они были с каперангом.

Ну хоть одно нормальное слово вылетело из этой коньячной бочки.

– Сомневаюсь, что они у вас не без глаз. Давай адрес по-други.

– Да тут она, – Ислам мотнул головой, – за углом живет.

– И все? Живет прямо за углом? Спально-мешочный район?

– Третий дом от прокуратуры, – уточнил следователь. – Спросишь Лейлу, тебе ее всякий покажет.

– «Всякий...» Нормально. Большое адресное бюро. – Марковцев уже не упорствовал, а злился на себя, на задание, которое ему всучили от имени родной организации. – Неудоб-

но без подарка. — Не обращая внимания на щербатую улыбку «важняка», Сергей запустил руку в картонную коробку и вытащил бутылку купленного им же коньяка.

* * *

Направляясь по очередному адресу, Марковцев прокручивал в голове бесценную во всех смыслах информацию, которой напичкал его полковник 5-го управления ГРУ Мещеряков. Возможно, Джавгар Аль-Шахри вычислил в своих рядах человека, который работал на военную разведку и передал Бондареву секретные материалы. Джавгар убивает Бондарева. По каким-то причинам он уверен, что каперанг не передал данные начальству. Наверное, готовое к отправке донесение находилось либо дома у начальника разведки, либо в штабе, в его личном кабинете.

Марку не зря посоветовали обратить внимание на Джавгара Аль-Шахри и его деятельность в Дагестане. Еще и потому, что, по словам Мещерякова, «...сопоставили убийство каперанга и смерть одного из приближенных Джавгара Аль-Шахри». Это нить, за которую можно было уцепиться. Поскольку приближенный по имени Магомед Алиев последнее время, буквально до последних минут своей жизни работал на военную разведку и готовил материал на какую-то акцию Аль-Шахри, но до конца не мог понять смысл активизации египтянина. Что-то готовилось (удивительно,

что от ценного агента поступала такая бестолковая информация), возможно – теракт. Уроженец Египта за последний месяц дважды выезжал в Иран. К нему приезжали люди, которых агент Алиев не знал и не сумел выяснить их личности.

Вообще Марк считал, что расколоть этого долбаного Джавгара Аль-Шахри проще простого – вломиться к нему в дом, сунуть ему в обе ноздри по крупнокалиберному стволу и заставить говорить «ничего, кроме правды». А перед этим расстрелять всю его охрану.

Марковцев, брезгливо нажимая на засаленную кнопку звонка Лейлы Исмаиловой, возненавидел и имя Джавгар, и Разведывательное управление Главного штаба ВМФ РФ в целом⁸.

2

Дверь открыла симпатичная женщина лет тридцати в неизменной косынке, завязанной, как и у многих восточных женщин, на затылке. Глаза темные, с притаившимся в них испугом. Марк научился распознавать, когда человек, у которого есть что скрывать, пугается просто вида незнакомца, а когда его страх просто невозможно унять. Исмаилова стояла в дверях, не выдерживая его взгляда, комкала в перепач-

⁸ До 1919 года – Морской агентурный (2-й, морской разведывательный) отдел Регистрационного управления Полевого штаба РВСР; начальник штаба РВСР – штабс-капитан Аралов Семен Иванович, сын купца и член партии большевиков, с которого и начинается отсчет начальников военной разведки.

канных мукой руках полотенце и не знала, приглашать ли его войти. И вообще, как тогда, в паузах оперативной съемки, не знала, что делать.

– Лейла? – Произнося это имя впервые в жизни, Сергей почувствовал себя беззубым. Лейла... Не имя, а какое-то название, оно переваливалось через губу и стекало по подбородку, казалось безвольным, легкомысленным, как припев в глупой песне: ла-ла-ла. Наверное, его легко произносить с полным манной каши ртом.

Первое впечатление об этой женщине оказалось смазанным и расплывчатым. Но то было рождено настроением, которое Марк буквально почерпнул в кабинете «коньячной бочки».

– Да, – с небольшой задержкой ответила хозяйка.

– Здравствуйте. Меня зовут Сергеем, – представился гость, невольно акцентировав жесткие буквы приветствия и своего имени. – Я пришел к вам по поводу фотографий, которые вы делали в квартире капитана первого ранга Бондарева. – Сергей продолжал «бомбардировать» хозяйку словами с буквой «р». – Кстати, что за красивая музыка играет у вас в квартире? Не пригласите послушать?

– Песня называется...

Женщина часто включала эту песню, играла у себя на нервах, поскольку она напоминала о том роковом вечере, когда Лейла обнаружила своего любовника мертвым; страстные ночи с Бондаревым почти стерлись из памяти, на перед-

нем плане труп, мертвое, еще теплое тело. Теплое – не горячее и не холодное, вот в чем весь ужас. Ей все время казалось, что в то время Михаил балансировал на пороге жизни и смерти, будто ждал, что его тело согреют, а душу, несущуюся по коридору к пресловутому свету, вернут обратно. А она с ледяным профессионализмом озаряла его холодными вспышками фотоаппарата, гнала его по волнам мертвой реки все дальше и дальше. Мгновенно превратилась из нежного и покорного существа в суровое и грубое создание, будто вылезшее, как из преисподней, из органов правопорядка.

С одной стороны, плохо, что память сработала так однобоко, а с другой...

Пока она не разобралась в этом вопросе, полагаясь на природу. А та с завидным постоянством звучала в ушах ритмичной музыкой, кружила в восточном танце у ног покойника. Хранящего какую-то тайну.

– Песня называется «Лейла».

– Написана в честь вас, Лейла Исмаиловна?

– Нет... – Она опустила свои красивые, выразительные глаза и снова посмотрела на гостя. – Действительно хотите послушать?

– Да, сделайте погромче, – Сергей демонстративно потоптался на месте и ритмично подвигал плечами.

Справляясь с волнением, она слабо улыbnулась.

– Извините, я одна. Дочь сейчас на улице.

– Она такая громадная, да? Похожа на капитана первого

ранга Михаила Бондарева. Играет в вышибалы с подругами. Чуть не сбила меня.

– Зачем вы так?

– Давайте попроще: такие, как вы, нравятся таким, как я.

– Ну что ж, проходите... Можете не разуваться. Чаю?

Марк отказался, разглядывая простенькую прихожую, скромно меблированный зал, крохотную кухню.

– Я принес с собой коньяк, будете?

– Я не пью с незнакомыми людьми.

– Меня зовут Сергеем, забыли?

– Помню. Кстати, у вас есть удостоверение личности?

– Есть, только в нем вы ничего интересного не прочтете, лишь мою фамилию да пятизначный номер воинской части. Мой иммунитет, так сказать, от уголовного преследования.

Хозяйка жестом усадила странного гостя за стол, на котором стояла чашка с мясным фаршем и деревянный поддон с тестом. Чуть поколебавшись, предложила гостю беляши.

– Кто вы? – спросила она.

– Друг вашего друга, – ответил Сергей и откусил от сочного беляша. – Ищу его недругов, которые сделали ему прокол в области сердца. Профессиональный удар, правда? Кровоизлияние происходит внутрь организма, когда предмет вроде шила сразу вынимают из раны. Жаль, поблизости не было никого, кто мог бы воткнуть в живот капитану еще и дренажную трубку. Вы делали снимки с места преступления?

Растерянность женщины сменилась неподдельным стра-

хом, который легко читался в ее темных глазах. И она, на что-то решившись, вдруг сказала:

– Это вы забрали со стола тот листок бумаги?

– Намекаете на мои хватательные рефлексy? – Сергей в это время потянулся за очередным беляшом.

– Прекратите!.. Я больше не в силах бояться, я отдам вам эти фотографии. Только оставьте меня в покое. У меня дочь, – тихо закончила она, прижимая руки к груди.

– Я помню, она играет сейчас в вышибалы и явно лидирует.

– Не надо, прошу вас, просто дайте мне слово. Я вижу, у вас лицо честного человека. – Она была уверена, что ее гость взял со стола ту наверняка важную улику, но в то же время не могла поверить, что именно он убил Михаила. Сергей, глаза которого она наделила (наверное, все же от испуга) добротой, искренностью, капелькой иронии и значительной долей усталости, не способен на убийство, и она, конечно же, ошибалась. Она видела то, на что хотела надеяться: что ее оставят в покое, не тронут дочь.

– Обещаю, – ответил Сергей, легко распознав мысли хозяйки, но не догадываясь о подоплеке ее податливости. – Просто потому, что у меня такая же вышибала. В магазине работает. – Марковцев улыбнулся, вспомнив дочь, и вытер руки предложенной салфеткой. – Вкусные беляши. А теперь поговорим откровенно. Почему и кого вы боитесь?

– Кто вы? – повторилась Лейла.

– Коллега Бондарева. В конечном счете он работал на ГРУ.

Хозяйка вернулась на кухню с почтовым конвертом и положила его перед гостем. Когда Сергей раскрыл конверт, глаза его полезли на лоб, короткие волосы встали ежиком, усы распушились, как беличий хвост, а на ум пришло единственное, наверное, но отдающее сумасшествием объяснение: посвежел. Труп каперанга Бондарева буквально посвежел. Сколько времени прошло с тех пор, как Сергей Марковцев взирал на до безобразия распухший труп капитана первого ранга, запечатленный на фото и хранившийся в уголовном деле? И на тебе.

Марк не нашел ничего лучшего, как, непроизвольно заикаясь, прокомментировать в вопросительном тоне:

– Лейла, где вы х-хранили фотографии? В х-холодильнике, что ли?

Исмаилова пропустила замечание гостя и указала на край снимка:

– Видите, здесь листок бумаги? А на официальных фото, пришитых к делу, его нет.

– А можно все по порядку?

Пока набравшаяся смелости женщина рассказывала, держа руки на коленях, Сергей со всех сторон рассматривал фотографию. Сейчас его интересовал не «посвежевший» труп каперанга, а листок бумаги, который пропал до возбуждения уголовного дела по факту убийства моряка. Как бы то ни бы-

ло, листочек этот имел очень важную роль. Убийцы – если рассчитывать на мощную комплекцию разведчика, то их было как минимум двое – забыли, а может, не успели взять со стола то, что либо принадлежало им, либо капитану. Улику или еще более важную вещь? А что есть важнее улики? Есть, и Сергей Марковцев, окончивший курсы разведчиков, знал цену и тому, и другому.

И к еще одному выводу он пришел. Убийцы либо ждали неожиданную гостью, чтобы забрать улику, которая наверняка указывала на них как на убийц, либо пришли, не зная, что любовница Бондарева побывала там после них.

Хотя нет, немного не стыкуется. Если улика указывает на них как на убийц, они бы убрали Исмаилову там же, в квартире покойного капитана.

Тогда что там лежит на краю стола, изображенного на снимке?

– Лейла, вы сможете увеличить снимок или часть стола на нем?

– Смогу, конечно.

– Нам нужно ехать для этого в городскую лабораторию?

– Никуда ехать не надо, я все сделаю дома. Только вам придется подождать, пока я приготовлю реактивы, я всегда пользуюсь проявителями собственного изготовления. А старые, после проявки, обычно выливаю.

– Ничего не бойтесь, в обиду я вас не дам, – напутствовал ее Сергей.

Женщина с сомнением посмотрела на долговязую фигуру гостя, который измотал себя ежедневными тренировками в Центре спецопераций ГРУ и весил раза в два меньше ее прежнего любовника.

Через полчаса в ванной комнате, приспособленной под временную фотолабораторию, Сергей смотрел на снимок фрагмента стола, на котором довольно явственно просматривался листок бумаги, только четыре символа на нем были видны не так четко.

– Подождите хотя бы минутку, пусть закрепится, – посоветовала хозяйка, так и оставшаяся в кухонном фартуке. Поглядывая на нее в красном лабораторном свете, Марковцев пришел к выводу, что женщина похожа на индианку: идеальной формы нос, брови, не знавшие пинцета, изящная линия подбородка, плавно переходящая в безукоризненную линию длинной шеи. Она перехватила его взгляд и в смущении отвернулась.

Исмаилова промыла снимок в проточной воде и еще раз остановила гостя, прокатав валиком полученный снимок на электроглянцевателе.

– Теперь готово.

Теперь готово, но все так же непонятно. На фото получились изображения, похожие на ритуальные знаки индейцев. Кроме четко проступающих цифр. Возле каждого символа пара чисел через дефис – 1-4.

– Придется отретушировать снимок.

– А вы сможете?

Теперь Лейла вела себя с гостем как с хорошо знакомым. Даже чуть кокетливо выкатила свои карие бездонные глаза.

– Смогу ли я? Только придется либо сделать новый снимок, либо размочить старый и снять с него глянец.

– Давайте. А я выпью немного, если вы не против. А еще я не против, если мы перейдем на «ты».

Ее густые ресницы мягко опустились в знак согласия.

Еще ничего не произошло, но инстинкт подсказывал Марку, что вскоре должно произойти нечто из ряда вон выходящее. Он думал о том, что не зря именно ему дали это задание, что он в общем-то без затей вышел на эксперта-криминалиста, легко расположил ее к себе, без труда заставил разговориться, дать показания. Он свято верил в то, что бабочка, взмахнувшая крылышками в Китае, вызывает ураган на Багамах; то, что происходит сегодня, это следствие того, что происходило вчера; что успехи и неудачи – это следствие достоинств и недостатков. И вот скоро должно что-то произойти – об этом говорило сердце Сергея, его участвовавший пульс. Скоро ряд совпадений закончится и выстроится в четкий ряд закономерностей.

Он залпом выпил полстакана коньяка и не почувствовал его вкус, как не ощущал его Ислам Каримов, однажды чуть не подохший от жажды, забыв открутить с пластиковой бутылки крышку и думая, что горло его склеилось.

– Я буду работать, а ты, – Лейла легко перешла на новую

форму общения, – можешь смотреть. Для начала возьмем серый фломастер.

Марк присел рядом с Лейлой и с интересом наблюдал, как работает над бледным снимком эксперт-криминалист. Он даже успел отметить, что она, уединившись, видимо, в ванной, подкрасила губы и ресницы, успела сменить домашний халат на кофточку и юбку.

– Я сделала новый снимок на матовой фотобумаге, – поясняла Лейла свои действия. – На нее хорошо ложится ретушь. А для ретуши негативов я обычно использую простой мягкий карандаш.

Сергей кивал и все пристальней всматривался в четыре неясных пока символа, очень похожих на букву П, расположенных по краям листа.

Вот первого символа, размещенного в левом верхнем углу, коснулось острие фломастера и четко, по небольшой дуге, уверенно обвело вначале одну сторону, потом вторую. Затем последовала более тонкая работа.

Исмаилова работала, склонившись над большой настольной лупой. По диагонали женщина провела несколько острых, как показалось Сергею, зарубин.

– Это в целом, – эксперт отстранила листок от лица и, рассмотрев его на удалении, пришла к выводу, что рисунок в монолите похож на верхнюю челюсть хищника – мелкого или крупного – не разберешь. Но четко просматривались два длинных клыка и несколько мелких, едва приметных зу-

бов. – Пока на ум ничего не приходит? – спросила она.

– Придет, когда отретушируешь следующий.

– А над цифрами не думаешь? Ведь они рядом с символами.

– Цифры как цифры, пока ничего определенного.

Следующий рисунок как две капли походил на две кошачьи лапы – чуть в стороны, но не вместе, а сверху их перекрывал кошачий же хвост. Третий едва ли не копировал второй, только хвост острым концом был повернут наоборот. Четвертый выглядел немного иначе: тоже ноги животного, но верхнюю перекладину, что ли, венчала голова хищника, повернутая в сторону.

– Морда у нее похожа на пампасовую кошку, – заметила Лейла. – Однажды я держала такую, соседи застрелили. И вообще, ты заметил, все рисунки символизируют одну лишь букву – П. Что верхняя челюсть, что ноги с хвостами вместо «перекладин». Каких хищников ты знаешь на букву П? Я знаю пардовую рысь, пуму, пантеру...

– Пантеру, – вдруг сказал Марк, почувствовав на голове каждый волос. За какой-то час-полтора его головы дважды коснулось сумасшествие. Сначала посвежел на фотографии труп капитана 1-го ранга, сейчас же, и снова на снимке, буквально оживал образ погибшего бойца, позывные которого он не раз слышал сквозь сон на протяжении долгих полутора лет: «Один-четыре» на связи. Михаил Пантюхин по кличке Пантера, которого Марковцев считал погибшим.

Подавив волнение и прочь гоня чудо, он спросил Лейлу:

– Что конкретно ты можешь сказать про эти снимки?

– Смотря что тебя интересует.

– Гляди, Лейла, – он бесцеремонно обнял ее за плечи, – я даже невооруженным глазом вижу, что все четыре фрагмента смонтированы в одну композицию. Выходит, делали их в разное время, но смонтировали совсем недавно, так?

– Да, – согласилась она. – Вот этот, первый, сделан скорее на доске, остальные, мне кажется, на стене, на штукатурке. Погоди, я сделаю мелкий снимок, там все детали будут смотреться намного четче... Сергей.

– Что?

– Ты отпустишь меня наконец?

– Да, извини.

Что же происходит, думал Марк. Неужели Пантера жив и дает таким образом знать о себе? Но сколько месяцев прошло, сколько воды утекло с тех пор, когда диверсионный отряд подполковника Марковцева в количестве тринадцати человек ликвидировал базу чеченского полевого командира Рустэма Давлатова?..

Глава 4

Десять кругов ада

1

*Азербайджан, 1999 год,
20 декабря, утро*

....Едва Марк занял позицию, пригибаясь под шквальным огнем, как дали знать о себе автоматы Удава и Мухи. Лейтенанты вышли на противоположную сторону из-за пекарни, едва не столкнувшись с отрядом наемников Джафаля Мустафы в двадцать-тридцать человек. Мустафа поступил, как того требовала обстановка: оставил обстреливать столовую нескольких человек, а основную массу разделил на два отряда, послав их обойти здание с двух сторон.

Рубильник находился в десятке метров от Марка и появился в разрушенном помещении непосредственно у западной стены. Там он тоже увидел убитого товарища: Подкова сидел в углу, уронив голову на плечо, вывалив крепко прикушенный язык. Филонову досталась шальная пуля. После взрыва он едва сумел влезть через крайнее окно в столовую, на большее сил не хватило.

Из тринадцати десантников в живых осталось одиннадцать.

Натиск боевиков все это время сдерживал один Ас. Он метался в задымленном проломе, ни секунды не оставаясь на месте, и просто удивительно, что ни одна пуля не задела его. Через плотную дымовую завесу Игорь смог различить движение нападавших по обе стороны здания, но они не отвечали на его автоматные очереди: Гринчука обрабатывала специально оставленная Джафалем группа, укрывшаяся за мешками с песком на месте, где наемники тренировались на «куклах».

Позади Марковцева все сильнее разгорался огонь. Горела стена справа от него, занялась провисшая после взрыва крыша, огонь подползал к нему по полу, заваленному обломками шифера, досок, разбросанных тумбочек и стекол.

Щурясь и кашляя от едкого дыма, буквально задыхаясь, Марк делал основную на данный момент работу, заставляя левую фланговую группу Джафалья залечь. Не видя Пантеры, Скутера и Подкидыша, подполковник спасал их. Легкие вылезали наружу, куртка готова была вспыхнуть на нем, но Сергей, выпуская автомат из рук лишь за тем, чтобы поменять магазин или швырнуть гранату, вел непрерывный огонь.

Ему помогал Рубильник. Здорово помогал, укрывшись за обломками и не давая центральной группе Джафалья Мустафы высунуться из-за мешков. И отмечал про себя не убитых им боевиков, а оставшихся в живых, – сейчас против него огрызалось не больше четырех бандитов.

Пантера, расчищая себе путь вдоль северной стороны склада с заложниками, потратил много патронов, и, когда появился перед тройкой наемников, у него хватило зарядов, чтобы положить одного капитально, второго ранить в живот, третьего же он вообще не задел, а автомат умолк. Пантере помогал Марк, который не видел молодого лейтенанта, но делал все возможное и невозможное. Пантюхин ощущал невидимую работу Сергея хотя бы по тому, что никто не мешал ему привычным движением высвободить нож и двинуться навстречу противнику.

Араб бросил возиться со своим заклинившим автоматом и, пытаясь достать пистолет, встретил диверсанта, вооруженного лишь ножом.

Короткая рукопашная.

Пантера сверкнул глазами, стремительно сокращая дистанцию. Сделав ложный замах ногой, подал корпус вперед и наотмашь рубанул противника ножом, глубоко распоров ему щеку. Прежде чем добить наемника, Михаил поиграл с ним две-три секунды, сбив араба подсечкой и опустившись перед ним на колено. Широко размахнувшись, Пантюхин всадил широкое лезвие между четвертым и пятым позвонком бандита. Все мышцы наемника моментально сократились как под воздействием тока высокого напряжения, потом медлен-

но расслабились.

* * *

Марк чувствовал, что горит, теперь уже по-настоящему. Он сместился от полыхающей стены на полметра, но горевший пол гнал его вперед, туда, где залегли бандиты. Начала тлеть куртка на спине, дымились брюки, ноги жгли раскалившиеся подошвы ботинок. Не в состоянии терпеть, Марковцев выкатился наружу, предварительно бросив гранату. Рванул с разгрузки еще одну...

...Вот замолчал автомат и в руках Аса – Гринчука все же нашла пуля. Уже три десантника сложили свои головы.

Подкидыш отмечал работу не только Марковцева, но и командира расчета, который вынужденно лез под пули, потеряв при этом Моряка. Алексей Мирный был смертельно ранен в голову, когда вызвал огонь на себя, вплотную приблизившись к «колючке».

Найденов руководил эвакуацией заложников. Он даже не уследил, как и когда умудрился Скутер оставить его. Увидел друга лишь тогда, когда отчаянный Леша Гарчихин, прикрываясь яростным огнем Скумбатова и Злодея, с миной в руке подползал к складу.

– Куда ты, дурак!.. Пантера, прикрой этого идиота, – Найденов был вынужден отозвать Михаила, намеревавшегося обойти горящую столовую и помочь Марковцеву.

Скутер поставил мину, но возвращаться не спешил. Лейтенанту хорошо было видно выбивающегося из сил одноглазого командира, уже одного: Злодей повторил маневр Моряка, и его большое тело изрешетило пулями. Чернов лежал на спине в сорока метрах от командира, который вызывал на себя огонь тридцати с лишним «чехов», чтобы дать возможность товарищам эвакуировать заложников.

Скутер прислонился к стене склада, снял с разгрузки последнюю гранату и зашвырнул ее в окно. Взрывом он отвлек часть боевиков от Скумбатова.

Гарчихин улыбнулся, в очередной раз рисуя перед собой образ товарища. Теперь это было горбоносое, с резкими чертами, обезображенное лицо одноглазого командира. Скутер представлял, что сделает Саня, когда раздастся взрыв и давление автоматных очередей на него ослабнет.

А таймер продолжал ворочать цифры. Сколько осталось до взрыва – десять, семь, пять секунд?

Скутер отползал, лежа на спине и отстреливаясь. Он сделал огромное дело для отряда, вытянув на себя большую часть боевиков, которые в любую секунду могли изменить тактику, чтобы соединиться с фланговой группой Джафалы и взять десантников в тиски – теперь уже вместе с заложниками. Давлатов просто обязан был поступить так, как сделал это Мустафа: оставить против Скумбатова, которому неоткуда ждать помощи, пять-шесть человек, уводя остальных.

Скутер сделал все, чтобы отвлечь противника, он вел

огонь, поставив себя в безвыходное положение. Пантера не мог прикрыть товарища, его самого обложили, едва он показался в простреливаемой зоне, куда стянулась большая часть боевиков. Краем глаза Пантера заметил, как закрутился на земле раненный в голову Гарчихин, подставляя под пули то спину, то грудь...

И вот, наконец, прозвучал последний аккорд Скутера: заложенная им мина смела вылезших из-за укрытия боевиков. Алексей правильно предвидел действия лейтенанта Скумбатова. Один-Ноль, используя дымовую завесу, зашел оставшимся в живых бандитам за спину и в открытую, во весь свой почти двухметровый рост, накрыл их огнем из двух автоматов. Саня стрелял с двух рук, громко и несвязно крича, не чувствуя боли в пробитой руке и левом боку; повязка уже давно слетела с его изуродованной щеки, а единственный глаз сочился слезами.

* * *

Позади Джафаля, за колючим ограждением, имелся необъятный простор для маневра, для отступления, которое в данный момент вызывало на лице пакистанского наемника сардоническую улыбку, – русским диверсантам отступить было некуда.

Став во главе трех десятков бойцов, Мустафа легко ушел с линии яростного огня и уже обходил подорванную дивер-

сантами котельную и дизельную станцию, которая выбрасывала в небо черные облака дыма. Пакистанцу и верилось, и нет, что силами отряда в тринадцать человек за считанные минуты можно целиком уничтожить диверсионный центр.

И он получил подтверждение своим мыслям, когда за углом пекарни его внушительный отряд встретили двое, всего лишь двое русских десантников. Они словно защищали родную землю, не отступая ни на шаг, они отчаянно сдерживали наступление тридцати наемников, не давая им возможности зайти товарищам за спину. Даже смертельно раненные, они не прекращали огня.

...Из жалости или по привычке Мустафа остановился возле Алексея Колесникова, нижнюю челюсть которого бронебойной пулей свернуло набок, и выстрелил ему в голову. Муха лежал в пяти метрах от Удава, уже бездыханный.

Джафаль не стал возвращаться назад, чтобы быстрее прийти своим людям на помощь, а продолжил двигаться в прежнем направлении, чтобы снять со спины отчаянного автоматчика, который долго не давал продыха его отряду. По ходу он определится, стоит ли посылать помощь Рустэму Давлатову, который уже давно не выходил на связь.

– Вперед! – Мустафа пропустил впереди себя араба, который осторожно выглянул за угол и так же осторожно, вжимаясь в стену, сам сделал первый шаг.

Наконец-то Пантера смог помочь Марковцеву, зайдя во фланг боевикам. Рубильник погиб. Не смогли противосто-

ять численному перевесу противника Удав и Муха. Сейчас тридцать боевиков обходили столовую, чтобы ударить сзади, а в случае отхода десантников начать их преследование. Боевики тоже умели считать и не ошибались, определяя оставшихся в живых русских в количестве четырех человек.

Не мешкая, заложников чуть ли не пинками погоняли к подорванному гранатами забору. На лица никто не смотрел, никто их не считал: какой дурак останется в неволе? Но едва они выстроились в цепочку и ведомые Подкидышем сделали первые шаги, как сзади ударили мощные «шакалы».

– Я прикрою.

Марковцев отчаянно замотал головой, нарушая сложившиеся традиции и называя на боевом задании бойца по имени:

– Нет, Миша, нет! – Для Марка это означало одно: Пантера остается здесь навсегда. – Я прикрою.

Ах, как умел улыбаться Пантера! Ни у кого на свете не было такой открытой улыбки.

– Тебе нельзя, Максимыч. Ты должен вернуться. Без тебя мы никому не нужны, даже мертвые. Тем более мертвые. Поэтому ты и пошел с нами, разве не так? – Глаза Пантеры продолжали улыбаться. – Плюнем в вечность, Максимыч?

Не оглядываясь, смелый Пантера рванул назад, пользуясь временным прикрытием, чтобы секунды спустя встретить боевиков.

Марк выругался. Он не имел права удерживать Михаила,

который был тысячу раз прав. А боеспособных в отряде остались только два человека: он и Подкидыш. Скумбатов был серьезно ранен, и каждый шаг давался ему с трудом. Не хватало времени, чтобы вооружить заложников, да и какой от них прок? С таким отрядом только быстрее положат... Обстановка говорила за то, что этот, последний натиск, им не сдержать.

И мин больше нет. Три или четыре остались у погибших десантников. Если рванут от жара, то не ко времени. А до той, что осталась в рюкзаке Пантеры, уже не добраться.

«Заложники! Заложники, в бога мать! – скрипел зубами Марковцев. – Если бы не они...».

Если бы не заложники, десантники вовремя снесли бы склад и укрывшихся за ним боевиков. А группа Скумбатова вышла бы к Подкидышу без потерь. И Скутер остался бы жив. В таком мощном составе они бы расчистили правый фланг и стали отходить. Без потерь. Почти без потерь. Теперь же девять погибли, и наступила очередь десятого.

Последний взгляд на бойца: Пантера занял точно такую же позицию, что и раньше, только по другую сторону здания: он полулежал за фундаментным блоком, готовый к своему последнему бою.

– Уходи, – сквозь зубы бросал Пантера, не оборачиваясь на товарищей, – уходи, Максимыч.

Расчетливыми движениями десантник разложил перед собой оставшиеся два магазина к «АС», пистолет и четыре гра-

наты. Одну, не мешкая, швырнул в показавшихся из-за угла боевиков. Туда же послал длинную автоматную очередь.

Михаилу мучительно хотелось оглянуться, но он считал это проявлением слабости. Он спиной видел уходящих товарищей, чувствовал частые взгляды Марка и Подкидыша, которые оборачивались на ходу, и... больше понимал их состояние, чем свое собственное.

– Уходите...

Справа от Пантеры, в зияющем провале, где погибли Рубильник, Ас и Подкова, послышался чей-то неосторожный возглас. Развернувшись, Михаил опустошил магазин и быстро вогнал новый. В запасе оставался лишь один. Пантера снова крутнулся, пресекая попытку боевиков обойти его слева, и бросил еще одну гранату.

Патроны кончались с невероятной скоростью. Вот уже подошел к концу последний магазин. Автомат щелкнул затвором и стал бесполезным.

Бережно прикоснувшись к рукоятке ножа, Пантера оставил его в ножнах и потянулся к пистолету.

У разведчика было некоторое время, чтобы подготовиться к последней встрече. Он понимал, что боевики, несмотря ни на что, постараются взять одиночку живым: такой лакомый кусок, как плененный десантник, не каждый день попадает в руки.

Пантера ждал наемников, вспоминая дом, самоотверженную тетку, взявшую на воспитание еще двух детей. Как на-

яву, видел перед собой сестру: «Ты не обидишься? Я замуж выхожу. Уеду в Грецию».

Глупая...

Михаил представил себе небо над головой сестры, незнакомое, чуть темнее обычного, российского неба, а на нем ни облачка. «Боги там близко»...

«Странный ты человек, Максимыч... Нянчишься с нами».

А Марковцев улыбается и что-то говорит. Потом его почерневшее от дыма лицо искажается болью: «Нет, Миша, нет!»

Уходите, уходите, – стучало сердце в груди Пантеры.

* * *

Пакистанец разделил свой отряд на две части. Десять человек, закрывая лица руками, нырнули в полыхающее здание, стараясь обойти непереносимое пламя стороной. Остальные восемнадцать и примкнувшие к ним семеро караульных, уцелевших за казармой «Исрапил-лагеря», вплотную подошли к оконечности южной стороны здания.

Первая вылазка оказалась неудачной: два человека были ранены, один убит.

– Они уходят, Джафаль! – держась за простреленное плечо, выкрикнул наемник.

Еще одна попытка, которую пресекла автоматная очередь из-за бетонного блока. Туда полетели гранаты, но разорва-

лись в пяти-шести метрах от автоматчика.

Мустафа ждал, когда прикрывающему отход колонны с заложниками русскому десантнику за спину выйдет его второй отряд. Прислушавшись, пакистанец покачал головой: их попытка также оказалась тщетной. Кто-то очень храбро защищал своих товарищей. Но он один. И у него скоро кончатся патроны.

* * *

Боевики появились сразу с двух сторон – осторожно, держа разведчика на прицеле. Ту группу, что появилась слева, возглавлял сам Джафаль Мустафа. В руках пакистанца «шакал». Оба они настороженно смотрели на русского десантника.

Пантера сидел, вытянув ноги и прислонившись спиной к бетонному блоку. Левая рука лейтенанта с прокопченным лицом прижата к туловищу, ладонь покоится на бедре. Правая держит пистолет. Глаза бегают от одного боевика к другому. По вороненому стволу пистолета, который Пантера вставил в рот и крепко прикусил зубами, стекает слюна. Дыхание бойца частое, прерывистое.

Джафаль опустил ствол «шакала» и обратился к товарищу на арабском:

– Он не выстрелит в себя. – Потом перешел на русский. – Слышишь, ты, солдат! У тебя не хватит мужества. Сдайся

мне. Ты будешь получать хорошее жалованье. Зачем тебе умирать? Сдавайся!

Джафаль подошел совсем близко, изучая лицо русского десантника.

– Сдавайся.

Пантера на миг прикрыл глаза, и его взгляд снова нашел пакистанца.

– Сдавайся, – в очередной раз потребовал Мустафа, различив в глазах десантника колебание. – Если ты сдашься, я не буду преследовать твоих товарищей. Клянусь Аллахом!

Пантера снова закрыл глаза и... медленно высвободил ствол изо рта. И так же медленно отвел кисть руки в сторону.

Мустафа криво усмехнулся и покачал головой, давая понять десантнику, что этого мало.

Пальцы Пантеры разжались, и пистолет упал на землю. Еще секунда, и, неотрывно глядя в черные глаза Джафалья, разведчик поднял руки... а его пальцы сложили знак победы – V. Виктория.

Зажатые под мышками гранаты с выдернутой чекой упали к его ногам.

В глазах боевиков, застывших в оцепенении в шаге от десантника, отразился ужас. А смеющиеся глаза Пантеры брызнули торжеством. Обе его руки показывали противнику победу над ними и над собой.

Виктория!

Виктория!

Глава 5

Возвращение из прошлого

1

«Нет, Мишка не мог остаться в живых, тогда что же происходит? Кто-то издевается над памятью о погибшем товарище?»

...Уводя заложников, машинально Марковцев оглядывался: что-то подсказывало его часто бьющемуся сердцу, что Пантера еще жив. Казалось, что вот-вот из-за деревьев покажется его невысокая фигура, и Михаил вскинет руку в приветствии.

Сергей обманывал себя, такого просто не могло быть. Пантюхин держал не один десяток боевиков, и уйти они ему не дадут. Другое дело, если они захотят взять его в плен. Но и тут Марк на сто процентов был уверен, что Пантера живым в руки врагов не дастся. Хотя трудно, невыносимо трудно отдать свою жизнь в таком молодом возрасте.

Марковцев слышал автоматные очереди, до него долетели звуки разорвавшихся гранат. Потом – затишье...

И снова будто все повторяется. Лицо, которое исказилось до неузнаваемости и испугало Лейлу Исмаилову, словно покрылось дымом, обгорело, посеклось осколками стекла и

камня. Сергей слышит грохот взрывов, видит огонь, а через него – руку, которая продолжала махать ему из чрева пожара: «Я здесь, Максимыч!»

Нет, история не закончилась, она продолжается. Война не кончается, если не похоронен последний солдат. Пантеру же не похоронили, а, выходит, закопали живым.

И Марк согласно своей натуре, приняв вину на себя, посчитал, что в тот раз бросил своего товарища, не настоял на своем, не остался сам прикрывать маленькую группу спецназа.

Он вылил остатки коньяка в стакан и выпил.

– Так, Лейла, давай работать. Давай, милая, определяйся, в разное время сделаны эти снимки или нет. Давай, моя хорошая. А я женюсь на тебе, дочь твою усыновлю.

– Удочерю, – машинально поправила женщина. «Что случилось с ним?» – думала она. Что таят в себе странные символы, которые изменили ее гостя? Они знакомы чуть больше двух часов, а такое чувство, что они – старые знакомые. Сидят рядом, обращаются друг к другу на «ты». Словом, ведут себя раскованно, свободно. Им нечего скрывать друг от друга: Сергей не пытался спрятать своего волнения; другое дело сама Лейла – она просто не могла унять дрожи, едва разговор зашел о Михаиле Бондареве, а потом о злополучных снимках. Зато дальше – обоюдное взаимопонимание.

– Мы еще об одном не подумали, – нарушила она слегка затянувшуюся паузу. Вынув из ящика стола несколько кол-

лекционных календарей, принадлежащих дочери, продолжила: – Если в ФСБ или МВД и заинтересовались некими сообщениями о том, что в подвалах или погребах селений Северного Кавказа находят надписи на стенах, нарах или столбах – «П 1-4», то интерпретировали это в первом случае как понедельник, первое число четвертого месяца 1996 года. Понимаешь меня?

– Да, – кивнул Сергей.

Лейла взяла следующий календарь, просмотрела его и отложила в сторону, потом еще один.

– Или понедельник, первое апреля (четвертый месяц) 2002 года. Все пятницы – первая буква – в ближайшие годы отсутствовали. Пятница, 4 января – если читать наоборот – приходилась на 1999 и 2002 годы. Поскольку пленники часто писали день своего заточения, ближайшего освобождения и прочее.

– Ты не в календаре читай... – Марк никогда не опускался до позерства, и в этот раз не стал стучать себя в грудь, рванув ворот на рубашке. Не прозвучали слова о том, что Пантере нельзя было писать в местах заточения свое имя или кличку по двум причинам. Первая: он до сей поры не назвал бандитам ни своего имени, ни должности, ни фамилии, про него боевики знали одно: он боец десантной группы. Вторая причина – все подозрительные надписи в помещениях часто уничтожались боевиками. А надпись «П 1-4» если и могла навести на подозрение, то ничего не объясняла.

На замечание Сергея Лейла покачала головой: «Я не понимаю тебя».

Сам же Марк понял если не все, то почти все. Человек, которого он давно похоронил, проходил когда-то службу в в/ч №... – 22-й батальон спецназа, и состоял он из четырех рот. Три роты специализировались по театрам военных действий – западному, юго-западному и южному. Их состав изучал соответствующие языки, географию, тактику боевых действий в горах, лесах, пустынях и т.д. Предназначение четвертой роты – особые задания. Личный состав роты состоял из прапорщиков и офицеров, и это единственное, что известно об этой роте. Именно в 1-й роте проходил службу Михаил Пантюхин, чьи останки исследовала ростовская лаборатория идентификации останков погибших и, оказывается, дала ошибку – судя по результатам экспертизы. И это о его смерти сообщил сестре Пантюхина сам Марковцев.

Он понял, что живой еще Пантера, выводя на стенах холодных подвалов знаки, ни на что не надеялся, но – верил. И в этом была и его слабость, и его сила.

Он понимал, почему Михаила до сих пор не казнили. Если в «афганскую» только за труп американского «зеленого берета» награждали орденом Красной Звезды, то за российского спецназовца ранга Пантюхина, взятого живым, могут «премировать» в Саудовской Аравии и прочих странах, финансирующих террористов. И Джавгар Аль-Шахри как раз ложился под это дело.

Сколько Михаил пробыл в плену? Полтора года. Был ли ранен? Судя по взрывам, которые неслись вслед уходящей группе десантников, получил довольно тяжелое ранение. Но какие бы увечья он ни получил, он может стать лучшим из лучших инструкторов на базах террористов. Если согласится, конечно.

А пока борется за свою жизнь, оставаясь бойцом с позывными «Один-четыре».

И еще одно воспоминание.

2

Греция,

6 января 2000 года, четверг

Вначале Юлия Пантюхина работала в одном из меховых салонов в Афинах, обслуживала в основном русских туристов и первое время стеснялась своих соотечественников. Комплекс, который должен бы быстро пройти. Однако по ее просьбе муж устроил ее в небольшой отель старшим администратором.

Есть что-то загадочное в женском сердце, чего не хватает мужскому. Она увидела в отражении огромного зеркала в гостиничном холле высокого худого человека с сигаретой в руке, не сразу обернулась на него. Хотя он смотрел именно на нее и очень пристально.

– Вы ко мне? – спросила она по-русски, ибо сразу, по

внешности и одежде, определила в незнакомце своего соотечественника.

– Юлия Александровна?

– Да, это я. – На каблуках Юлия оказалась одного роста с братом, в глаза бросалось их сходство: необычные желтоватые глаза, чуть удлинённый подбородок.

– Ничего, что я с сигаретой? – спросил Марковцев.

– Курите, в холле это разрешается. – Она повела рукой, повернулась к уходящей на второй этаж синей лестнице, где на переходах стояли вазы с цветами, столики, за которыми можно спокойно подождать, пока оформляются документы, выпить рюмку коньяку, чашечку кофе за счет заведения...

– Присядем? – предложил Марк. – Или лучше уединимся где-нибудь.

– Что-то с Михаилом?.. Несчастье? – Она едва выговорила это слово. Ее глаза заполнились влагой, и она уткнула в них ладони.

Сергей взял ее за руки и тихо сказал:

– Он погиб.

Она кричала на весь холл, привлекая внимание немногочисленных в это время года клиентов. Какое ей дело, как героически дрался ее брат? Ведь об этом говорил ей живой человек, точнее, оставшийся в живых. Почему он остался жив, а Миша погиб? И она сказала ошеломляющую фразу: «Кто так делает?»

Марк потом долго повторял ее. Действительно, кто? Мо-

жет, кто-то управляет судьбами?

И что он мог добавить? Что она может гордиться своим братом, его подвигом? Пошло, именно непристойно в данный момент, другому не понять. Как и они не поняли друг друга. Марк извинился и ушел. У порога обернулся: Юля стояла, уперев одну руку в бок, другой закрывая заплаканное лицо.

Он и на следующий день не рискнул сказать девушке, что от нее потребуется кровь для экспертизы по опознанию. Хотя ехал сюда еще и за этим.

Глава 6

Первые шаги

1

*Дагестан, пос. Южный,
24 июня, понедельник*

В кабинет следователя Рашидова вошел начальник ОВД майор Санжаров. Голубая рубашка с темно-синим воротником заправлена в брюки, нагрудный кармашек топорщится пачкой сигарет и пухлым блокнотом.

Сегодня они уже виделись. 45-летний Санжаров, невысокий, коренастый, с вечно настороженными глазами, молча кивнул коллеге и прошел к открытому зарешеченному окну.

Усман, изучивший повадки шефа, легко разобрался, что скорее всего предстоит разговор на конфиденциальную тему. Такие беседы, начинавшиеся с молчаливого вступления и созерцания скучной панорамы за окном отдела, приносили, как правило, головную боль. Майору оставалось только присесть на широкий подоконник, предварительно проведя по нему широкой ладонью.

Похлопав рука об руку, Санжаров приступил к делу.

– Усман, к тебе сегодня подойдет один человек, поговори с ним откровенно.

– На тему? – спросил Рашидов, поерзав на стуле.

– Не знаю, – недовольно скривился начальник отдела, – он все скажет.

– Когда? – Следователь посмотрел на часы. – У меня допрос свидетелей.

– Через пятнадцать-двадцать минут. Скажет, что от меня.

Начальник ушел, а Усман еще с минуту бездействовал. Не размышлял, а просто тупо смотрел на двустворчатый шифоньер напротив рабочего стола, приспособленный под шкаф, доверху забитый пропылившимися папками, устаревшими бланками, которыми можно было топить печку. Потом встал, сунул папку с делом в сейф, повернул в замке длинный, похожий на тюремный, ключ.

Обычно после таких разговоров на ум ничего не приходило. Рашидов сравнивал себя с бараном, который покорно дожидается конца стрижки. Что за человек? Откуда? Какая тема? Только эти туманные повторяющиеся вопросы, попробуй сосредоточиться на чем-нибудь конкретном. На деле о разбойном нападении, которое гирей висело на следователе? И не только оно, а еще два десятка дел о кражах, хулиганствах, двух убийствах, которые Усман расследовал совместно с районной прокуратурой.

Глупым бараном Усман чувствовал себя ровно десять минут. Через десять минут в его кабинет вошел сравнительно молодой модно одетый человек.

Русский затруднился бы сколько-нибудь точно опреде-

лить его возраст: борода, смоляные волосы с проседью, восточный тип лица. Обычно возраст людей такого типа завышался – Джавгару Аль-Шахри можно было дать и сорок, и сорок пять, – но Рашидов не ошибся: египтянину едва перевалило за тридцать.

– Я от Санжарова, – скупно улыбнулся он. – Здравствуйте.

– Да, он говорил. Садитесь.

На фоне зашарпанного шифоньера с облупившимся лаковым покрытием элегантно одетый араб выглядел нелепо. «Даже, если, кагытся, он вылез из него», – мрачно сострил Усман.

– Чем могу помочь?

– Я приехал из Каспийска. Вы давали рекомендации одному русскому, который интересуется делом капитана первого ранга Бондарева?

«Началось», – екнуло сердце следователя. Он вдруг понял, что может оказаться на месте другого барана, со связанными ногами, над которым занесен остро отточенный нож.

– Да, – с некоторой запинкой ответил он.

– Вы хорошо его знаете? Откуда он, как его фамилия?

– Его зовут Сергеем, фамилия – Алешин. Они с Бондаревым были друзьями, – приступил он к исполнению инструкций Марковцева. Треклятого Марковцева.

– На кого он работает?

– Не знаю. Но сейчас у него частный интерес.

– Вы уверены?

– Да.

– Как вы познакомились с ним?

– В прошлом году я вел дело об убийстве моряка Санникова. Как выяснилось, его в пьяной ссоре убил сосед. Выяснять детали преступления прибыл Сергей. Мне доподлинно известно, что в то время он контактировал с морской разведкой флотилии, по отдельным вопросам консультировался с Бондаревым.

– А сейчас происходит не то же самое?

– Нет, – решительно заявил Усман. – В случае с Санниковым Сергей прибыл спустя два-три дня после его убийства. А со смерти Бондарева сколько прошло? – спросил он.

В кабинете повисла пауза, во время которой следователь успел порадоваться за свою словесную сноровку: и Санников и Бондарев были убиты, однако он выделил убийство первого и смерть второго, а это не одно и то же. Черт его знает, куда может привести это дело; не найдутся ли умы, которые попробуют связать вместе кончину двух капитанов?

«Два капитана. Здорово, – злился следователь. – Капитаны мрут как мухи».

На свой вопрос он ответил сам же:

– Прошло больше месяца. А официальных лиц в Каспийске побывало немерено. Сергей появился, как только все более или менее успокоилось, и сразу ко мне. Попросил свести его с человеком, входящим в следственную группу по делу Бондарева. Дал денег. – В этом случае Рашидову врать не

пришлось. – Что еще? – Он потер переносицу. – Да. Сергей уволился со службы. С его слов, правда, точно мне это неизвестно.

Следователь говорил спокойно, никто бы не подумал, что в этот миг он лихорадочно перебирает варианты: «Так, произошло следующее. Этот забулдыга Ислам Каримов, следователь из Каспийска, либо проявил личную инициативу, доложив куда надо о частном интересе Марковцева, либо его попросили об этом. В последнем случае Сергей нарисовался и с него, кагытся, сняли ксерокопию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.